

XIV. 1930: 6247

И Ж О Р С К І Й.

М И С Т Е Р І Я .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1835.

И Ж О Р С К І Й.

И Ж О Р С К И И,

М И С Т Е Р И Я.

П Е Ч А Т А Н О В О З В О Л Е Н О Е

Съгласно на постановление на Комитетъ при Министерствѣ С. П. С. 10 Іюня 1832.

Печатано въ С.-Петербургѣ.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,

въ типографіи III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

1 8 3 5.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра. С. П. б. 10 Іюня 1833,

Ценсоръ В. Семеновъ.

4-xiv A
17523

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
въ типографіи III Оубльена Собственой Е. И. В. Канцелярїи.
1833.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если сочиненіе лишено внутренняго достоинства, самыя краснорѣчивыя предисловія не доставятъ ему благосклонности читателей. Однако же при попыткахъ, которыя въ какой нибудь словесности еще новы и противорѣчатъ общепринятымъ правиламъ или предразсудкамъ, нельзя осудить писателя, когда онъ постарается указать публикѣ ту точку зрѣнія, съ коей смотрѣлъ на предметъ свой. Вотъ почему и мы позволимъ себѣ поговорить о томъ, что всего болѣе покажется страннымъ въ сей I-й части нашей Мистеріи тѣмъ, которые знакомы съ романтическою драмою по одному, можетъ быть, Шекспиру и послѣдователямъ его, Шиллеру и Гете. Нашъ Ижорскій созданъ не по симъ образцамъ, а болѣе по примѣру безхитростныхъ аллегорическихъ игрищъ Ганса Сакса, Братій страстей Господнихъ (Frères de la Passion), Англійскихъ Менестрелей, Нѣмецкихъ Мейстерзенгеровъ и если угодно охот-

никамъ до именъ болѣе громкихъ, Кальдероновыхъ: *Sacramentales*. Объ этомъ-то именно и желали мы намѣкнуть, назвавъ поэму свою *Мистерією* и раздѣливъ ее не на пять, а на три дѣйствія или Хорнады, какъ обыкновенно Испанцы раздѣляютъ свои драматическія творенія.

Въ старинныхъ Мистеріяхъ, равно какъ и въ произведеніяхъ живописи XIII и XIV-го вѣковъ, не рѣдко случается, что глазамъ зрителей на одномъ и томъ же планѣ представляется двоякая или даже тройкая сцена, на прим. небо, земля и адъ. Слѣды сего обыкновенія еще находимъ въ извѣстномъ начеркѣ (*esquisse*) (*), кисти Рубенса представляющемъ Страшный Судъ и въ славномъ Рафаелевомъ Преображеніи. И мы подобную вольность позволили себѣ и, что всего хуже, — при самомъ началѣ т. е. въ 1-мъ явленіи нашей Мистеріи. Признаемся, мы тѣмъ хотѣли нѣсколько озадачить Гг. защитниковъ трехъ единствъ: человѣка, который до того могъ забыть главнѣйшіе сценическіе законы, безъ сомнѣнія они не удостоятъ классической критики, а пожавъ плечами, станутъ читать далѣе единственно для того, чтобы отыскивать новыя причины къ пожиманію плечами. Впрочемъ, чего же и ожидать порядочнаго отъ произведенія, въ которомъ дѣйствуютъ Кикиморы, Шисиморы, Русалки и проч.

Замѣтимъ однако же, для любителей Литературы Классической, что она оказала свое могущественное вліяніе и на насъ грѣшныхъ. Въ Аристофановыхъ хорахъ и даже въ монологахъ и діалогахъ дѣйствующихъ лицъ его

(*) Этого начерка существуютъ два экземпляра: одинъ въ большемъ видѣ въ Мюнхенской, прежде бывшей Дюссельдорфской; а другой уменьшенный въ Дрезденской галлерей.

Комедій много выходокъ въ которыхъ онъ прямо говорить нубликъ, въ которыхъ найдутся насмѣшки и надъ современными ему писателями и героевъ надъ самими собою и даже надъ Искусствомъ драматическимъ. За оныя выходки его весьма справедливо осуждалъ нкто Профессоръ Элоквенціи при Аонинскомъ Университетѣ: «Онъ-де,» говорилъ сей преострый мужъ, достойный многихъ хвалъ, «онъ-де разрушаютъ сценическое очарованіе и напоминаютъ почтеннымъ Аонинскимъ гражданамъ, присутствующимъ при лицедѣйствіяхъ, что передъ ними не Бакхусъ, не Демосъ, не облака и не лягушки, а Карпъ, Сидоръ, крапешный холстъ и Статисты. Въ противномъ же случаѣ Его Превосходительство Г. Архонтъ, Ихъ Высокородія Господа Пританы и прочіе точно были бы увѣрены, что видятъ самаго Бакхуса, самаго Демоса и проч. probandum erat и въ чемъ уновательно никто не сомнѣвается.» Мы не изъ числа невѣрующихъ. Но, какъ ужъ намъ вѣрно суждено было судьбою, собрать вкупъ и соединить все ошибки и промахи нашихъ предшественниковъ, мы обрадовались сей погрѣшности невѣжи Аристофана и ею воспользовались.

Но оставимъ Г. Профессора Элоквенціи и его собратію; обратимся къ любезнымъ нашимъ читателямъ. Нынѣ при общемъ движеніи въ Литературахъ всехъ языковъ Европейскихъ, при движеніи, которое обнадеживаетъ всякаго, слѣдующаго мыслию за ходомъ вѣка своего, что большая народность, большая живость, большая соответственность современнымъ понятіямъ будутъ плодами онаго, нынѣ кажется можно было бы воскресить и Мистеріи родъ драматической Поэзіи, по нашему мнѣнію не заслуживающій совершеннаго забвенія. Шекспиръ безъ сомнѣнія величайшій изъ романтиковъ; но Сервантесъ, Лопе де

Вега, Кальдеронъ, Морето, самый Гансъ Саксъ, — мужи, которые имѣютъ неоспоримыя, великія права на тщательное изученіе Стихотворцевъ нашего поколѣнія. — Есть истины, или забытыя или слишкомъ мало еще оцѣненныя, истины, которыя весьма бы желательно представить въ разительномъ видѣ не только уму, но, такъ сказать, самымъ очамъ людей мыслящихъ; а сего достигнуть иначе нельзя, какъ посредствомъ формы драматической. Вотъ, чего желали первые сочинители Мистерій; вотъ къ чему стремились и мы при сочиненіи Ижорскаго. Одна главная мысль господствуетъ въ нашей драмѣ: эта мысль уже изложена въ сей первой части, а во второй будетъ развита еще болѣе. Недоумѣніе читателей на счетъ этой основной мысли — вотъ единственная критика, къ которой мы были бы чувствительны. Высказать здѣсь мысль сію было бы лишнимъ: ибо если сами читатели ее не отгадаютъ, мы трудъ свой должны считать неудавшимся.

Намъ остается еще отвѣчать на возраженіе, которое намъ вѣроятно сдѣлали бы критики другой школы, совершенно противной той, о коей выше намѣкали. «Цель Поэзіи сама Поэзія;» скажутъ они по словамъ Шлегеля. «И такъ, не значитъ ли унижать сіе высокое искусство, когда употребишь его средствомъ для доказательства какой нибудь отдѣльной, частной истины; когда, такъ сказать, разжалуешь Поэзію въ служанки Нравоученія?» — Безъ всякаго сомнѣнія. Но есть въ нравоученіи, какъ во всѣхъ другихъ наукахъ, истины поэтическія. Почему же не разрабатывать, не развить ихъ поэтически? Почему же не создать изъ нихъ новаго, поэтическаго міра? Во всей вселенной — гармонія: нѣтъ предмета отвлеченнаго, которому бы не соотвѣтствовалъ чувственный; нѣтъ духа, который

бы не отражался въ какомъ нибудь тѣлѣ; нѣтъ мысли, которая бы не проявлялась въ образъ Поэтическомъ. Найти сей образъ не значитъ покорить его мысли; представить его зрителямъ такъ, чтобы они уразумѣли, чему онъ соответствуетъ, не значитъ употребить его единственно средствомъ къ достиженію цѣли непоэтической. Его унизишь только тогда, когда онъ будетъ служить однимъ украшеніемъ, одною одеждою къ прикрытію наготы сухой истины, какъ на прим. въ Поэзіи Дидактической. Скажемъ болѣе: безъ главной, основной мысли (идеи), все соединяющей, все связывающей, все оживляющей, Поэма, какая бы ни была, — тѣло безъ души, котораго удѣлъ безобразіе и разрушеніе.

Объяснившись во первыхъ на счетъ разряда Поэтическихъ произведеній, къ которому желаемъ, чтобы причислили нашего Ижорскаго и во вторыхъ на счетъ того, къ чему стремились мы въ сей Мистеріи, неизлишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о способѣ изложенія, коего держались мы и о характерѣ употребленныхъ нами существъ мифологическихъ.

По предначертанію нашему поступки самаго героя и окружающихъ его лицъ, равно и все случающееся съ нимъ, служатъ единственно къ раскрытію его наклонностей. По сему самому большая часть сихъ дѣйствій и событій происходитъ за сценою; зрителямъ же гораздо чаще представляются перемѣны, произведенныя ими въ Ижорскомъ, нежели сами онѣ. Мистерія *Ижорскій* въ этомъ отношеніи составляетъ совершенно противоположный полюсъ Шекспировымъ Комедіямъ Испанцевъ (*Comedias de capa Yespada*): тамъ по происшествіямъ догадываешься о чувствахъ лицъ дѣйствующихъ, здѣсь чувства Ижорскаго поясняютъ

произшествія и пророчать его дѣйствія. По лирическому духу, преобладающему, какъ въ мистеріяхъ, такъ и вообще во всѣхъ другихъ родахъ драматической поэзіи, близкихъ къ первоначальнымъ стихіямъ оной, мы по необходимости и въ своей драмѣ, составленной по образцу ихъ, должны были отказаться отъ разительныхъ дѣйствій и событій передъ самыми глазами зрителей.

Мифологическихъ существъ составляющихъ въ нашей драмѣ чудесное или, по словамъ Вальтера Скотта, *волшебное* (*) много; но мы воспользовавшись ими, хотѣли указать на богатство, которое Поэту представляетъ Романтическая Мифологія вообще, а Русская въ особенности. Въ драмѣ, которой дѣйствіе происходитъ въ XIX столѣтіи, мы употребили ихъ не безъ ироническаго намѣренія. Какое это намѣреніе, надѣмся, легко увидить всякій, наблюдавшій съ нѣкоторымъ вниманіемъ вѣкъ нашъ. Бѣльшей части сихъ Мифологическихъ пружинъ мы старались присвоить нѣчто народное, Русское. Такимъ же образомъ мы поступили и съ ямщикомъ, колдуномъ и семействомъ крестьянина Богдана. Лица вышлага круга — Европейцы: однако же и въ ихъ образѣ мыслей, поступкахъ и словахъ найдутся отбѣнки, обозначающіе Русскій народный характеръ, степень быта гражданскаго, образованности и просвѣщенія, на которой находимся, привычекъ и причудъ, намъ преимущественно свойственныхъ.

Спѣшимъ окончить наше предисловіе, дабы оно не показалось слишкомъ длиннымъ и важнымъ для произведенія столь ничтожнаго, какимъ Ижорскій нашъ многимъ покажется.

(*) См. Сыць Отечества на 1829 No.

ДННЪ РТН СВАТЪСЪДЪ

И Ж О Р С К І Й.

Ч А С Т Ъ І.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Левъ Ижорскій, богатый Русскій дворянинъ.

Князь Пронскій.

Княжна Лидія, дочь его.

Графиня Шепешилова, двоюродная ея сестра.

Выпреневъ,

Жеманскій,

Весповъ.

} Молодые люди, служащіе въ Пешербургѣ.

Богданъ.

Жена его.

Оома, сынъ ихъ.

Мароа, дочь.

Вавила.

Ямщикъ.

Духи.

Бука.

Кикимора.

Шишимора.

Сова.

Зничъ.

Волкъ, оборотень.

Мершвецы.

Блудящіе огни.

Русалки.

Лѣшіе.

Домовые.

Сильфы.

Гномы.

Ондины.

Саламандры.

} Крестьяне Льва Пешровича Ижорскаго.

Дѣйствіе происходитъ по въ Пешербургѣ и въ окрестностяхъ,
по въ Брянскихъ лѣсахъ въ помѣстьѣ Ижорскаго.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Царско-Сельская дорога, солнце заходитъ: Ижорскій спачесть на перекладныхъ).

И ж о р с к і й.

На водку, брагъ, рублевикъ! погоняй!

Таскашься, право, надоѣло.

Я м щ и к ъ.

Таскашься? наше ли съ побою, баринъ, дѣло?

Взгляни-ко, примѣчай:

Скапилось солнышко, а не успунилъ ночи,

Какъ разъ тебѣ заблещеть Пштеръ въ очи!

Соколики, эй! дернемъ, эй!

Эй, варвары, смѣлье!

Не выдай, сивка! пожалъй!

Боишься? ну! дружнѣ!

Чпобъ волкъ шебя! дворяничкъ шы, не конь!

Вонъ, видишь, баринъ? опъ колесъ огонь!

По всѣмъ, по шремъ — эхъ, коренной не проць!

Издадека ли ѣдетъ ваша милосць?

И ж о р с к и й.

Издалека.

(Ямщикъ запѣваетъ пѣсню,
Ижорскій про себя.)

На родину спѣшу,
 Родимымъ воздухомъ дышу:
 Такъ, радость чувствую, но вмѣстѣ и унылость.
 Повѣрю ли, чѣмъ здѣсь въ землѣ родной
 Сполкнулось счастье со мной?
 Игранице спрасшей, людей и рока,
 Я счастья въ странахъ роскошнаго Востока
 Искаль, въ Аравіи, въ Иранѣ золотомъ,
 Подъ небомъ Индіи чудесной,
 Въ блестящихъ городахъ, подъ подвижнымъ шапромъ;
 Но не встрѣчалъ нигдѣ, скипая въ поднебесной.
 Ничѣмъ моя не исполнялась грудь;

Напрасенъ былъ мой долгій путь.

(Задумывается; между тѣмъ являюся духи,
невидимые Ижорскому.)

Одинъ духъ.

Закашилося солнце,

Глядь, — спало шемно:

Человѣкъ засыпаешъ;

Нашъ часъ наспаешъ.

Другіе.

Взвѣйтеся, взвѣйтеся, легкіе други!

Въ небѣ зажглась за звѣздою звѣзда;

Мчишесь въ ихъ блескъ пуда и сюда!

Филинь и сычъ наши слуги,

Синіе свѣтлячъ изъ блана огни

Мчишесь: непопыри намъ кони!

И ж о р с к и й.

Ямщикъ, что такъ жужжишь надъ нами?

Я м щ и к ъ .

Кружась комары роями:
День жаркій былъ, значь, будетъ новый зной.
Но городъ видишь ли передъ собой?

И ж о р с к і й (про себя.)

Вздывается Петрополь изъ тумана,
Весь мраченъ, лишь одной бойницы остріе,
Горитъ средь темноты, похоже на копье
Чудовищнаго великана.

Д у х и .

О д и н ъ .

На сизой спрекозѣ верхомъ
Лешитъ Кикимора забавный;
Онъ выпязъ, онъ наездникъ славный:
Прѣшь колокольчика шеломя,
Броня ему — кольчуга рака,
А плащъ — лисенокъ багровый мака;
Поитъ онъ пьяницу виномъ,
Толкаетъ подъ бокъ забіяку,
Съ женою мужа вводитъ въ драку;
Капясь, кружась кубаремъ,
Сшибаетъ съ ногъ дѣвицъ спѣсивыхъ;
Рогами краситъ лобъ ревнивыхъ:
Его блаженство шумъ и громъ.

Х о р ъ .

Скорѣ, скорѣ! навспрѣчу ему!
Поклонимся, бранцы, вождю своему!

(Часть лешитъ навспрѣчу Кикиморѣ;
другая осеняется.)

1 д у х ъ .

Ужъ луга и нивы пуспы,
Пахарь въ хижинѣ храпиль . . .

Братцы, что за важный видъ!
На большомъ листѣ капусты
Вонъ Шишморы лежишь:
На ковръ на самолети
Хищный кознодѣй сидишь;
Полночь близко; онъ къ работѣ,
Къ чернымъ радостямъ спишишь.

2 духъ.

Крадя науковъ добычу,
Онъ высасываетъ мухъ;
Розгой на красу дѣвичью
Воружаетъ злыхъ спарухъ:
Въ садъ ли лазить кто рѣшился
Къ милой въ ночь черезъ заборъ?
Вдругъ Шишморы примчится,
Свиснешь, весь поднимешь дворъ,
Всѣхъ напустишь на дѣшину,
Дворнику подасшь дубину,
Псовъ разбудишь; — спужъ и вой!
И съ разодранной шинелью
И съ разбитой головой,
Пушь къ опасному веселью,
Обширая кровь и полъ,
Спращанный випязъ проклянешь!

Хоръ.

Товарищи, други! уйдемъ, утешемъ;
Спрашишесь: найдете доносчика въ немъ.
(Разлезающя.)

И жорскій.

Семь верстъ еще: какъ скучно!
Бышь, кажешся, грозѣ: черишь небо; душно.
Спой пѣсню, братъ: авось развеселюсь.

Я м щ и к ъ.

Пѣшь радъ бы: надоѣсть, боюсь . . .

(поеть.)

Какъ изъ за моря, изъ за синяго
Добрый молодець возвращается
Въ свою спорону, милу родину,
Много молодцу вображается,
Про себя онъ самъ усмѣхается:
» Опцу, мапери поклонюся я,
» Съ красной дѣвицей поцѣлюся,
» Золошымъ кольцемъ размѣняюся,
» Золошымъ вѣнцемъ обвѣнчаюся
» Съ моей суженой, съ моей ряженой,
» Съ моей вѣрною полюбовницей.»

* * *

Какъ изъ за моря, изъ за синяго
Ворошился свѣшь добрый молодець:
Его бапюшка во сырой землѣ;
Родна мапушка на чиспомъ сполѣ;
Красна дѣвица обвѣнчалася,
Друга вѣрнаго не дождалася

И ж о р с к і й (прерываетъ его.)

А поварищи, а разгульные
Съ добрымъ молодцемъ повспрѣчались
Безпаланному посмѣялися.»

Не шакъ ли, брашь — ямщикъ?

Я м щ и к ъ.

Такъ точно, Ваше Благородье:

Поюшь, признашься, шакъ у насъ въ простонародьѣ.

И ж о р с к і й.

Я? я не жду опца: давно ужъ мой спарикъ

Покоинся за Охпой на кладбищѣ.

А машь, родя меня,
Терзаясь и спеня,
Опъ сей земли ушла въ безсѣнное жилище.

Я мащери своей, прїдшель, не знаваль,
На родинѣ любовью не стораль;
Съ невѣсмой мы не разсавались

Не опгадаю я,
Чему веселые друзья,
Со мной бы встрѣшясь, посмѣялись.

Я м щ и к ъ (начинаеть другую пѣсню
въ полголоса.)

» Какъ молодчика взманила

Баба водяная:

Удалаго пошопила

Глубина рѣчная. «

(Бьеть по лошадямъ.)

Вошь я шебя, красонку!

Съ горки на горку, — баринѣ дасъ на водку.

(Бьеть по лошадямъ.)

К и к и м о р а (въ описанномъ выше видѣ.)

Шурлуйте, дѣши темноны!

Взлелайте выше шучь, луною посребренныхъ,

Пляшине ниже ландышей смиренныхъ:

Вскружилась голова опъ вашей суеши;

Нѣшь, такъ я не скучаль еще ни разу!

Какую бы мнѣ сотворишь проказу?

Кого бы нарядишь въ шупы?

Да! вошь несеться кпо-шо;

Меня беретъ охоша

Телегу опрокинушь въ ровъ.

(вьется надъ шелегой и пугаетъ
лошадей хлопнушкой.)

Ш и ш и м о р а.

Кикимора, не шрогай ѣздоковъ.

К и к и м о р а .

Ты унимаешь другихъ всегда гошовъ,
Да не спрудись! коней бѣшу хлопущкой,
Играю собственной, а не швоей игрушкой.

(Ш и ш и м о р а .)

Не шронь! онъ (указывая на Ижорскаго)
мнѣ принадлежишь:
Туранскій Дивъ, Арсланъ мнѣ шленъ его въ подарокъ.

К и к и м о р а .

Ахъ, брашець! меринъ коренной пыхшишь.
Послушай: день былъ жарокъ;
Дай ихъ помышь, дай въ лужу окунушь.

Ш и ш и м о р а .

Не смѣй на нихъ ниже дохнушь;
Прочь! подниму шревогу;
Вѣдь Буку позову: онъ, — знаешь ли? шебъ
(про себя)

Конечно, можно бы . . . но нѣшь! боюсь; себя
Пусть кончишь мой мудрець дорогу:

Какъ разыграюсь, руку или ногу
Ему сломя; а онъ мнѣ нуженъ цѣль.

Къ тому же эпошь мнѣ поспрѣль,
Кикимора — нѣшь мочи! — падоѣль.
(громко)

Прочь разсержуся не на шушку!
К и к и м о р а .

Мы похочемъ лишнюю минушку:
Сердись!

Ш и ш и м о р а .

Смѣешься надо мною, плушь!
(указывая на Ижорскаго)

К и к и м о р а .

А! ты ругаешься смѣешь, шупь?
Ну, не во гнѣвъ: приму тебя, брашъ, въ руки;
За чупъ, за чупъ!

Ш и ш и м о р а (защищаясь)

Кикимора, не будь же глупъ!
Кикимора, и не боишься Буки?
Ай! право, Бука близко! ай!
Ай, Бука! ай, ай! Бука, помогай!
(Улетаютъ оба.)
(Ижорскій между шѣмъ подвѣхаль къ заспавъ.)

Я м щ и к ъ .

Эй, баринъ! спишь? Заспава! прилетѣли!
Тѣу пропасшь! вѣкъ мои лошадки не робѣли,
А нынче что-то да не шакъ;
Мешались въ спорону, храпѣли;
Да, благо, я не изъ зѣвакъ;
Не то, мы въ ямъ бы сидѣли.

Сѣмъ, колокольчикъ опвяжу! слѣзай,
Проснись-ко, подорожную подай;
Мы въ Пиперь, Сударь!

И ж о р с к і й (подаетъ часовому подорожную)

Я здѣсь, родимый край!
Здѣсь сынъ пшой: изъ степей, изъ обшпалищъ дальнихъ
Въ родныя сѣны возвращень;
Для радостныхъ ли дней или для дней печальныхъ?
Ошвѣшпуй, пышный градъ! Но въ безошвѣшный сонъ
Нѣмой, безчисленный Петрополь погружёнъ:
Ни гласа, ни привѣша!

Вся обласнь спишь, шуманами одѣша . . .
Туманы! мгла! — Увы! гдѣ полуденный рай?
Ты далеко за мной, Иранъ, опчизна свѣша!

У Н Т Е Р Ъ - О Ф И Ц Е Р Ъ

(подходитъ къ телегу)

Гдѣ остано­ви­те­ся?

И Ж О Р С К І Й.

У Д е м у ш а.

У Н Т Е Р Ъ - О Ф И Ц Е Р Ъ.

— С п у ш а й!

(Шлагбаумъ поднимающъ; Ижорскій въезжаетъ въ городъ; прилепаетъ Кикимора.)

К и к и м о р а.

Еще бы ихъ застать! да чай,

Они ужъ въехали въ заставу

Ну, все равно! ужъ я попендился на славу.

Какъ я его паскалъ!

Ужъ какъ поколошилъ исправно!

Какъ онъ кувыр­кался забавно!

Да какъ я хохоталъ!

Чтожь мы теперь начнемъ? Изъ слуховыхъ окошекъ,

Дай, вызову влюбленныхъ кошекъ;

Копомъ мяучишь спану по спѣнь.

Бышь праздни­мъ не люблю: возмешь лоска и скука

(Испугавшись.)

Чу! поле вздрогнуло отъ поноша и спуга!

(Смотритъ въ даль.)

При выглянувшей изъ-за пучъ луиъ,

Мнѣ чудился, на соловомъ конѣ

Тамъ грозно мчился — не ужели Бука?

Онъ! онъ! — Шишимора, не въ добрый же ты часъ

Сказать рѣшился правду въ первый разъ!

Что, ежели тебя нашли въ канавѣ?

Воображаю, какъ расплакался пролазь,

Какъ началъ доносишь, наушничаешь на насъ!

Бышь, кажется, допросу, бышь расправъ.

Д У Х И (невидимые).

О д н и

(изъ дали съ одной спороны.)

Содроглися косци въ заросшихъ гробахъ:
Къ намъ Бука песешя въ густыхъ облакахъ;
Дохнешь ли перуномъ — завяла права;
Просвищешь ли бурей — валяшя древа.

Д р у г и е

(съ другой спороны ближе.)

Ау, ау, Кикимора!
Зовушь тебя, тебя зовушь!
Спѣши, леги: зовушь на судъ.
Ау, ау, Кикимора!
Явися, оправдай себя:
Кикимора, зовушь тебя!

К и к и м о р а (передразнивая ихъ.)

Ау! Кикимора! зовушь!

Зовушь, не устаюшь:

Кричаешь, аукаюшь, — ну, словно дѣвки,

Какъ въ чащѣ разбредушя по грибы!

Но дѣлашь нечего; не миновашь судьбы:

Пришлось раздѣлашя за шушки, за издѣвки!

Д у х и (приближаясь).

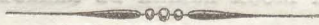
Ау! Кикимора!

К и к и м о р а.

Ау! лечу, лечу!

Но я тебѣ, пріятель, оплачу!

(Улетаютъ.)

Я В Л Е Н І Е 2.

(Ночь; пустынное мѣсто; перекрестокъ; по одну сторону лѣсъ,
по другую кладбище; вдали волнуется море; луна перебѣгаетъ
тучи.)

С о в а

(сидя на пивѣ надъ курганомъ.)

Крикъ призывный, крикъ совы:

Духи, собрались ли вы

Въ часъ волшебный предъ разсвѣтомъ

На холмъ въ шуманъ одѣномъ?

1. Мертвецы.

Мы слышали пшой зовъ:

Мы подъялись изъ гробовъ

Тамъ изъ подъ дубовъ и липокъ,

Рой безпяшыхъ, рой Анпинокъ (*)

2. Блудящіе огни.

Рой подводныхъ плясунъ,

Мы слышали пшой зовъ

Тамъ надъ радугой болоша,

Средь зеленыхъ, влажныхъ мховъ:

Что? какая намъ работа?

3. Русалки.

Мы при мѣсячныхъ лучахъ

Раскачались на древахъ,

Хохопливия Русалки:

Вдругъ слышали пшой зовъ,

Голосъ пшой смѣшной и жалкой —

И примчались изъ лѣсовъ.

(*) Безпяшыми Анпинками называются въ некоторыхъ у насъ
сказкахъ мершвецы, вампиры.

4. ЛѢШИЕ.

Ель, сосна не выше лѣшихъ,
Намъ въ правѣ равна права:
Что прикажешь намъ, сова?
Мы заводимъ въ пину пѣшихъ,
Мы обходимъ ѣздовыхъ:
Мы услышали пвой зовъ.

5. Д О М О В Ы Е.

На грудяхъ, какъ лебедь, бѣлыхъ,
Чисныхъ, будно первый снѣгъ,
Юныхъ вдовъ и дѣвъ созрѣлыхъ
Мы избрали свой почлегъ;
Тамъ мы на грудяхъ сидѣли,
Зовъ услышали — слепѣли!

6. С И Л Ъ Ы.

Сильфы мы: мы онъ висошь
Гдѣ безъ скорби, безъ заботъ
И рѣзвились и кружились,
На лучахъ луны спустились.

7. Г П О М Ы.

Блескъ несносный, свѣшь дневной
Невидяще наши очи;
Мы жильцы подземной ночи:
Вверхъ мы вызваны совой.

8. О П Д И Н Ы.

Домъ нашъ въ глубинѣ пучины:
Но на берегъ вышли мы
Изъ рѣчной, прохладной пѣммы,
Сладкогласныя Одины.

9. С А Л А М А П Д Р Ы.

Мы жъ купаемся въ огнѣ;
Любимъ мы и прескъ и пламень;

Съ дымомъ вьемся къ вышинѣ,
Распопьемъ мѣдь и камень:
Совушка, сова, изъ совъ,
Мы слышали швой зовъ!

В с в.

Совушка, сова изъ совъ,
Мы слышали швой зовъ!

С о в а.

Сюда васъ звапъ вельель великій Бука:
Судишь онъ хочешъ двухъ-ослушниковъ-духовъ;

Надъ ними приговоръ да будешъ вамъ наука!

Не знаю, преврашишь ли ихъ въ воловъ,

Ихъ человѣку предославишь

И грудь земли орашь заславишь,

Или же обернешъ въ почповыхъ лошадей,

Или въ кряхпящихъ спихомворцевъ,

Или въ дрожащихъ царедворцевъ,

Или въ игралице дѣшей,

Жуковъ, привязанныхъ ногою къ нишкѣ;

А только знаю, ихъ осудишь къ спрашной пышкѣ.

Пора уняпъ васъ: вы охощники шалишь.

Но благо: съ вашей брапьею шушишь,

Я вамъ порука, —

Не любишь Бука.

(Бука, огромная обезьяна, поднимается изъ подъ земли, въ большихъ креслахъ, обитыхъ альмъ бархапомъ: на немъ альмъ же плащъ, на головѣ большой парикъ вѣка Людовика XIV, въ правую руку пукъ розогъ.)

Б у к а (къ Кикиморѣ и Шишиморѣ, кошорыхъ держишь передъ шмъ связанныхъ другая обезьяна.)

Кикимора! Шишимора! раздоръ,

Кошорый съеме между духами,

Намъ надоэль; онъ жалобъ, криковъ, ссоръ

Покоя нѣтъ намъ: что намъ дѣлать съ вами?
А сверхъ того, не я ли вамъ велѣлъ
Опшодъ, никакъ не вѣдаться съ чужбиной?
И что же? ты, Кикимора поспрѣлъ,
Ты Англичанъ, ты Нѣмцевъ обленѣлъ,
Ты воропился съ цѣлою корзиной
Противныхъ мнѣ, неслыханныхъ зашѣй!
И что же? Русскую Лишерашуру,
Мою шушуху, смиренскую дуру,
Ты, ты заснавилъ умничашь, злодѣй!
Я дядьку далъ ей, чиннаго Француза;
Я няньку далъ ей, — называлась Муза,
Да, Муза! — но межъ вами шалуны,
Тобой, Кикимора, научены,
Monsieur не *скусомъ* звали, а *педаггствомъ*
И Музу начали ческинь жеманствомъ.
Что жъ далѣе? спарушка, спаричокъ
Сердились, но не ждали, не гадали
Опъ васъ, повѣсь, ни горя, ни печали:
Дипня ихъ слушалось, подъ ихъ гудокъ
Плясало по введенному порядку;
Вдругъ няньку въ шею, спарику полчокъ,
Ногами погнуло и ну! въ присядку.

А ты, Шинимора! — ты не шалушь,
Ты хуже шалуна: наушникъ, лгушь;
Обнеси другихъ шебъ и ширъ и праздникъ;
Но самъ каковъ ты? говори, проказникъ,
Скажи, какъ смѣлъ ты, Буди не сироясь,
Сносишься шайно съ Дивами Турана?
Не ты ль подарокъ принялъ опъ Арслана?
Или не я власнишель швой и Князь?
Къ пому жъ, кому раскидываешь съши?

Холодному, слѣпому гордецу,
Безумному, какъ всѣ Адамъ дѣши,
Бѣгущему на гибель, какъ къ вѣнцу,
Безъ всякой помощи духовъ и ада:
Ловишь пакихъ — какая шумъ опрада?

Теперь внимаше мнѣ, духовъ соборъ;

Произнесу надъ ними приговоръ:

За всѣ помянутыя мною шашни
Я могъ бы ихъ поминъ въ подвалахъ башни;
Зашишь я могъ бы въ зайчій ихъ шулушь,
Пугашъ и гнашъ помѣщескими псами;
Лѣшь на сто заперешъ въ пустынный дубъ . . .
Не пакъ ли? могъ бы? разсудите сами!
Но пошому ли, что нашъ вѣкъ пакъ глупъ
И ужъ съ виновныхъ не сдираюшъ кожи,
Или, что съ прежнимъ Букою не схожій,
Хошя, какъ прежде, хмурю бровь и лобъ,
Я самъ подъ спаросъ шайный филантропъ,
Или, что безъ того, не бышь бы сказкъ, —
Я положилъ въ премудрости своей,
Дабы подобныхъ не было запѣй,
По предварительной, примѣрной паскъ,
Ихъ порознь на годъ въ кабалу опдашь
Ижорскому. — Надѣюсь, имъ наскучишь,
Насъ слушаешь, надѣюсь, ихъ научишь!
Не слишкомъ ли я благъ? прошу сказашь.

Всѣ духи.

Пресступники достойны всякой муки:

Поемъ и славимъ милосердые Буки!

Б у к л.

Но мѣсяць въ облакахъ пошухъ:

Вѣлѣетъ край небесъ шуманныхъ,

Рѣдѣешь шьма полей пространныхъ,
Свѣтаешь . . . чу! зашьль пѣшухъ!

(Бука снова погружается въ землю: духи исчезаютъ.)

С о в а.

Легче дыма, легче сновъ
Разлешьлся сонмъ духовъ;
Нѣшь видѣнья, нѣшь призрака;
Шумъ и шепотъ ихъ зашихъ:
Миновало царство мрака;
Солнце близко, разсвѣло;
Спряшашься и мгѣ въ дупло!
(Прячется.)

Я В Л Е Н І Е 3.

(Огромная, освѣщенная зала; оркестръ играетъ вальсъ; паръ нѣсколько кружится, въ числѣ ихъ Ижорскій съ Лидіею: послѣ двухъ или трехъ шуръ, онъ подводитъ ее къ стулу Графини Шепешиловой и опкланивается; музыка перестаетъ, танцеры расходятся.)

Л и д і я.

Алина, съ кѣмъ я танцовала?

Г р а ф и н я.

Ижорскаго, та сѣге, шы не знавала:

Онъ пушешествовалъ, въ пяшь лѣшь

Объехалъ цѣлый свѣшь;

Какъ слышно, человекъ необычайный

И свель своимъ умомъ Въпренева съ ума.

Л и д і я.

Людей необычайныхъ нынѣ шьма.

А впрочемъ, шы признаешься сама,

Въпренева съ ума свесшь — нѣшь великой шайны.

Графиня. (Вътреневу, который разговариваетъ въ нѣсколькихъ шагѣхъ нѣхъ шагахъ съ однимъ Генераломъ.)

Вътреневъ, слышите?

Вътреневъ.

Позвольте, Генераль!

Графиня, нѣтъ! просните! не слыхаль.

Графиня.

Княжна божишься, что не прудно

Съ ума васъ свесить.

Вътреневъ.

Съ Княжной и съ вами спорить безразсудно:

Княжнѣ и вамъ на жершву умъ принесить

Всегда себѣ пошавлю въ чesть.

Лидья.

Знакомы вы съ Ижорскимъ?

Вътреневъ.

Боже!

Мы съ нимъ друзья:

Онъ жизни для меня дороже;

Съ нимъ неразлученъ я.

Графиня.

Намъ друга своего, Вътреневъ, опишите!

Вътреневъ.

Глубокій умъ, но сердца не ищите:

Оно распалло отъ гибельныхъ спрасшей.

Лидья.

Господь избавь насъ отъ такихъ друзей!

Вътреневъ.

Лице Вампира или Лары

(Оркестръ начинаеть играть кадрили.)

*

Кадриль! шамъ не dospало пары:

Осмѣлюсь ли, Княжна?

(Лидія вспаеиъ и подаеиъ ему руку.)

Графиня.

Вергъшья не опкажепья она!

(Ижорскій между пьемъ бродитъ по залъ; оспа-
навливаетья и смопришь на панцующихъ.)

Жемапскій

(подходитъ къ нему.)

Вы пакъ задумчивы, Ижорскій; влюблены ли?

Ижорскій.

Чшо за вопросъ? но пусшь пакъ! я влюбень.

Жемапскій.

Не вѣрю я: вы ко всему оспыли.

И я, признашья, свѣпомъ ушомень:

Я много жилъ и чувшвовалъ и видѣлъ,

Я много жилъ — и жизнь возненавидѣлъ!

Ижорскій.

Но съ небольшимъ вамъ двадцать лѣтъ?

Жемапскій.

Да въ двадцать лѣтъ я прожилъ вѣки.

Испилъ и радости и скорби рѣки

И для меня обмановъ сладкихъ нѣтъ!

Ижорскій.

Тогда возмите пистолень

И — заспрѣлишесь.

Жемапскій.

Вошь совѣтъ!

Но видно по всему, вы не поэтъ.

(уходитъ.)

Ижорскій.

Вошь молодъ и румянъ и глупъ и шучень:

А и въ него вселилась блажь

И лѣзетъ онъ шудажъ

И спрастію байронствовать размучень!

В е с н о в ь.

(приближается къ Ижорскому
съ пѣкопорою робосшью.)

Вы здѣсь, Ижорскій? и не скучно вамъ?

Средь вихря свѣта леденѣють чувшва:

Природы чудеса и чудеса искусствва

По слуху одному знакомы намъ;

Но вы ихъ видѣли! вы были въ вѣчномъ Римѣ;

На Эпиѣ были вы: въ ея священномъ дымѣ

Надъ моремъ пламеннымъ, надъ ранней, свѣшлой мглой

Носились вы ликующей душой

При воскресающемъ, дневномъ свѣшмль!

Вы поклонилися въ ешепяхъ при древнемъ Нилѣ

Царей Египетскихъ гробамъ;

Вы измѣряли Пирамиды

О Боже мой! вы были шамъ,

Гдѣ за свободу гибли Леониды,

Гдѣ пѣлъ божешвенный Гомеръ!

Въ Аѣнахъ, въ Спартѣ были сами!

Ахъ! какъ вы счастливы въ сравненіи съ нами!

Я, на примѣръ,

Подъ хладными я зрѣю небесами,

Все эшо пошько знаю я изъ книгъ — —

Какъ на воспорги васъ доспало?

Клянуса, за одинъ подобный мигъ

Опдашь полжизни дешево и мало!

(Ижорскій смощринъ на него не безъ учасшя,
но не опвѣчасшъ: Весновъ удалешся.)

И ж о р с к і й.

Какъ молодъ онъ, какъ пламенень, какъ свѣжъ!

Да, были и во мнѣ когда-шо чувшва шѣжъ

Зачѣмъ же я опщвѣлъ и очершвѣлъ такъ скоро?

Давно мою я позабылъ весну.

Но опъ его сокрою зора

Души моей убишой глубину:

Холодный мой языкъ счастливица не вспревожипъ.

Онъ впрочемъ и поняшь меня не можешь:

Содрога бы, когда бъ воображалъ,

Что я среди свяшыхъ воспоминаній,

Среди развалинь, водопадовъ, скаль,

Въ спранахъ, къ кошорымъ проспираешъ длани,

Гдѣ каждый шагъ мой чудо обрѣшалъ,

Безъ крыльевъ, безъ мечпаній

Скучалъ!

(помолчавъ.)

Какъ надоѣлъ мнѣ эпошь балъ!

Мнѣ душно! шумомъ оглушенный,

Въ шолпъ, по средь шолпы уединенный,

Забышься не могу: пойду;

Но скуку шуже я вездѣ найду.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е 4.

(Невская набережная; свѣтлая свѣрняя ночь; Ижорскій прогуливается.)

И ж о р с к і й.

Плывешъ по небу ясная луна;

Съ чупъ слышнымъ спономъ о границъ прибрежной

Бьешъ сонная, лѣтвая волна;

Кругомъ меня и миръ и пишина:

Но мира нѣтъ въ душѣ моей мяшежной.

Исполненъ дерзости, исполненъ силъ,
Когда-то призракъ счастья я ловилъ,
Но скрылся средь несчастя призракъ дивный.
Все испыталъ я, все я разлюбилъ:
И скорбь и радость мнѣ равно прошивны.
Пусть ищущъ! счастья искать не мнѣ
Въ унылой, вялой, мертвой пишишѣ.
Я все вкусилъ: и блескъ злапой лазури
И брань спихій и брань сердечной бури,
Воспоргъ и ярость, ревность и любовь;
Вкусилъ, забылъ, — не пожелаю вновь.
Я въ бившѣ зрѣлъ дымящуюся кровь,
Близъ моего чела жужжали пули;
По бившѣ съ пламенныхъ, роскошныхъ усьѣ
Я поцѣлуи пилъ: и что жъ, скажу ли?
Меня война и нѣга обманули!
Въ войнѣ и нѣгѣ холодеи и пусъѣ,
Я видѣлъ смерть безъ страха, безъ учасья,
Я поднимался съ ложа сладоспращья
Съ усшалою, пресыщенною душой
И снова рвался въ ужасъ боевой!
Что можете быть еще мнѣ въ свѣтѣ ново?
Все, все, что сладосшно, все, что сурово,
Знакомо, спаро для меня; не я ль
Исчерпалъ все: и самую печаль
И самое раскаянье? Сначала,
Такъ, — кровью обливался я, спеня,
Но алчный коршунъ совѣсть занимала,
Живили угрызения меня
Теперь — уже ль послѣдовашъ совѣшу,
Который съ часъ назадъ я далъ Поэту
Жеманскому? — Такъ, вижу, средсшва нѣпль:

И рано ль, поздно ли, а пишолешь,
Или вода или кинжалъ надежный
Конецъ всему, конецъ мой неизбѣжный.
Что медлишь? но за чѣмъ же и спѣшишь?
Нѣтъ, не въ минушу приходи, не въ скукъ
Я разорву безцвѣтной жизни нить:
Я хладно приготоволюсь къ разлукѣ
Съ унылою гостинницей земной;
Я выйду равнодушный поспоялецъ,
Не скроюсь изъ нея, плашильщикъ злой.

Но что же? въ тушь приготолюсь роковой,
А перстень сей? зачѣмъ хранишь мой палецъ
Сей талисманъ чудесный и смѣшной?
Какъ сердце чловѣка своеправно?
Ужель? — клянусь, и ново и забавно:
Тому, чѣмъ могъ бы бышь блаженнымъ я,
Не вѣришь мерзвая душа моя;
И между тѣмъ, какъ разбираешь я спану,
Здѣсь въ глуби сердца вѣрю талисману!

Отъ шайки Бедуиновъ караванъ
Я съ горстью храбрыхъ спасъ въ глухой пущинѣ,
(Все это помню, будто вижу нынѣ)
Дервишемъ, на смерть раненымъ, мнѣ данъ,
Имъ данъ мнѣ эпосъ дивный талисманъ;
И онъ сказалъ мнѣ: »вошь кольцо просное;
»Ты жъ, сынъ мой, пренебечь имъ не дерзни;
»Кольцо на пальцѣ прижди поверни
»И покоришь себѣ начало злое.«
Спарикъ вдругъ умеръ; но въ его очахъ
Изображались злоба, смѣхъ и спрахъ.

Вошь шепчетъ мнѣ какой-то демонъ, чшобы

Я испыталъ могущество кольца;
Въ прошедшій вѣкъ, въ вѣкъ моего опца
Такое дерзновенье навлекло бы,
Что хуже казни, хохотъ на меня;
Но измѣнился свѣтъ: день опно дня,
Воскресшя, старинныя преданья
Пріемлющъ бѣльшую надъ нами власшь;
О люди! люди! спрачныя созданья!
Къ чудесному во всѣхъ возникла спросшь.
Давно ль? кричали: »адъ и небо бредни!«
Не вѣрили ни въ Бога, ни въ чершей;
Все просвѣщалось; самыя передни —
Теперь — взгляните на своихъ дѣшей,
Ученики, поклонники Вольшера!
Конечно суевѣріе не вѣра:
Но гдѣ же, гдѣ хваленный вашъ успѣхъ?
Что ваша мудросшь? и подумашъ, — смѣхъ!
На чемъ же я остановлюсь? и вѣря
И вмѣстѣ и не вѣря, что начну?
Что будешъ, — будешъ! — перстень поверну,
Пущь ошибуесь, — не велика пошеря!
Разъ, два, три — вздоръ! — Пора домой: съ Невы
Поднялся вѣшеръ . . . Кпо же шамъ на вспрѣчу
Ко мнѣ идешъ? — Остановлюсь, замѣчу.

Кикимора (въ видѣ маленькаго шарика въ сѣромъ
фракѣ, въ Альмавивѣ, въ большой,
бѣлой Квакерской шляпѣ.)

Вы звали, кажешся . . .

И жорскій.

Ошиблись вы:

Я звань не думаль.

Кикимора.

Право? вошь забавно!

Да кпо же здѣсь глубоко шакъ и плавно

О вашемъ просвѣщенъ разсуждалъ,
О предразсудкахъ, суевѣрѣ, вѣрѣ,
О людяхъ, вѣкѣ, мѣрѣ, и Вольперѣ
И наконецъ вершѣшь колечко спалъ?

И ж о р с к і й.

И такъ но не того я ожидалъ!

К и к и м о р а.

Бѣда! и насъ встрѣчаютъ ужь по плащю!
Не ужшо мнѣ явишься было съ рашью
Чудовищъ разныхъ? вѣкъ вѣдь не шаковъ!
И къ намъ безжалоспливъ онъ и суровъ:
Мы изъ Баллады въ прозу перебрались.
Не гордь, не пышенъ щнѣ нашъ нарядъ:
Намъ вмѣсто прежняго всего оспались
Фракъ сѣрый, красный плащъ, да чудный взглядъ.
Но позабудь на часъ мой видъ смиренный.
Чего жемаешь? будешь! прикажи!

И ж о р с к і й.

Клянусь, хопя зовешься духомъ лжи,
Спарикъ ты въ самомъ дѣлѣ драгоцѣнный!
И такъ послушай, милый супоспашъ:
Мнѣ придцашъ лѣшь, здоровъ я и богашъ
И, говоряшь, не дурень я собою,
Бышь можешь, и не глупъ; но кшо жъ судьбою
Во всемъ доволенъ? сяжекъ жребій мой!
И я (спыжусь! смѣяшься надо мной,
Насмѣшникъ ты лукавый, спарый, воленъ!)
Но общею и я болѣзнью болѣнь:
Все надоѣло мнѣ; и жажду я
Какихъ нѣбудь безвѣспныхъ впечатлѣній:
Всѣхъ вялыхъ скорбей, пощлыхъ наслажденій
Пугаешь, бѣжишь душа моя.

К и к и м о р а .

Да, не легко тебѣ помочь, приятель!
Да, люди спали очень мудрены!
Бывало, деньги, женщины, чины:
И счастливы, а нынѣ, нынѣ къ спашу ль?
Не смѣй и предлагашь имъ вздоръ шакой!
Но бышь шакъ: выслушай, философъ мой;
Придумалъ я новинку вопшъ какую:
Доселѣ ты людей, ихъ мысли, свѣшь,
Признайся, — узнавалъ лишь изъ примѣшь;
Скажи мнѣ, видѣшь испину пагую
Вездѣ, во всякомъ случаѣ, всегда
Желаешь ли?

И ж о р с к і й .

Скажу, положимъ: »да;»

Твои условья?

К и к и м о р а .

Не спрашисъ, любезный,
Не спашу требовашь швоей души:
Обрядъ пустой, спаринный, бесполезный!
Нѣшь! вонъ бумагу шолько подпиши,
Чшо годъ меня продержишь.

И ж о р с к і й .

Шупишь?

К и к и м о р а .

Только!

Чшо жъ? по рукамъ?

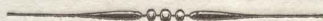
И ж о р с к і й .

Бумага гдѣ?

К и к и м о р а (подаешъ ее.)

Изволь-ко!

(Ижорскій подписываетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Кабинетъ Ижорскаго; его пѣшь дома; Кикимора сидитъ передъ комелькомъ въ Вольперовскихъ креслахъ; смеркается.)

К И К И М О Р А.

Какъ весело моимъ поварищамъ-духамъ!

А мнѣ какъ скучно!

Какъ шѣсно среди людей, какъ вяло и какъ душно!

Друзья, друзья! раздолье вамъ:

Вы въешесь къ свѣшлымъ вышамъ;

Перелешаете моря и сушу,

Подслушиваете Природы душу,

Таинственный бой жилъ земныхъ,

Внизъ смоприше очами звѣздъ злапыхъ,

Поеше въ гласъ бурь; среди пламени прещите —

Меня изгнанника вы, брашья, помяните!

И, если близко кто порхаетъ въ вѣперкѣ,

Или работаешъ и роешь подземелье,

Или вкушаетъ сладкое бездѣлье,

Купаясь въ быспромъ, аломъ огонькѣ,

Вопъ въ эпомъ, на примѣръ, чшо въ комелькѣ,

Пусшь мнѣ предшапешъ! пусшь веселье

Съ нимъ посѣпишь меня въ угрюмой кельѣ!
Мнѣ грустно: я сижу, нахмурясь, какъ сычъ,
Сижу, Ижорскаго хандрою зараженный,
Вздыхаю, какъ влюбленный
И сонный монологъ чишаю усыпленный

Придите же! (Саламаандръ Зничъ выскакиваетъ изъ огня.)

А! здравствуй, Зничъ!

Зничъ.

Не думаль, не гадалъ въ тебѣ найши Поэза!
Братъ, славная побой Элегія проѣзжа!
Ха! ха! ха! ха! Какъ ты, Кикимора, смѣшонъ!
Дай, осмошрю тебя со всѣхъ споронъ:

Въ рукѣ газета,

А на носу очки,

Глубокомыслія и дельноспи примѣша!

Гдѣ прежніе швои прыжки?

Проворство гдѣ бывое?

Кикимора.

Оставъ меня въ покоѣ!

Я безъ того сердиль:

По милосци наушниковъ и Буки

Мнѣ умереть пришлось со скуки

(Зничъ смѣется.)

Все вашу бранію смѣшишь!

Повѣрь, мнѣ не до смѣха:

Плохая шунъ пошѣха,

Дни проводишь съ брюзгой,

Кому все надоѣло подѣ луной.

Хоть бы онъ разъ, хоть бы ошибкой

Меня порадоваль улыбкой!

Казать ему я испину взялся,

Срываешь съ людей, съ ихъ помисловъ личину;

Вошь думаль: угожу! Клянцую свою судьбину:

Разшевелишь его пельзя!

Кпо бѣ ни былъ, а при мнѣ свои всѣ мысли
Всѣ шайны выскажешь; самъ случаи расчисли,

Онъ нихъ, хотя бы кпо, да хохоталъ —

Примѣръ: писашель; издаешъ журналъ;

Заглавье чудо: »Безприсраспный!«

Судья стиховъ и прозы самовласпный,

Онъ уши свѣшу прожужжалъ

Про чистую свою любовь къ наукамъ: я же

Смѣкнулъ, чпо чистота его вся въ сажѣ;

Съ нимъ свель Ижорскаго и былъ мой Журналиспъ

Рѣчиспъ!

Съ глазами полными огня и чувства

Онъ спалъ — ты опгадалъ — ругашъ испуспва;

Съ воспорженнымъ размахиваньемъ рукъ

Спалъ поносишь безумный бредъ наукъ

И восклицалъ: »нѣспъ! полько въ деньгахъ счастье,

Къ нимъ полько, къ деньгамъ еспъ во мнѣ присраспше;

За деньги — Пушкина я унижанъ гошовъ,

За деньги Пиндаръ мой — Свисповъ!«

Такъ полковалъ герой бумажный,

Но сохранялъ и видъ и голосъ важный

И надрывалъ вишійспвомъ грудь;

Что исповѣдалъ намъ, ни мало не замѣнилъ

И полько помышлялъ и мѣшилъ,

Какъ насъ надушь.

Зничь.

Смѣялся швой Ижорскій?

Кикиморъ.

Онъ? ни чупъ!

Зѣваль. Когда жъ ушелъ писашель,

Зѣвнулъ, еще зѣвнулъ и мнѣ сказалъ: »пріашель,

За испищу швою и гроша я не дамъ.

Ее и прежде зналъ я самъ,

И для подобныхъ опкровеній

Не пужень мнѣ ни злой, ни добрый Геній. «

Къ влюбленнымъ я его привелъ попомъ:

За поспоянство ихъ хвалили всюду,

Дивились всѣ ихъ нѣжностямъ, какъ чуду;

Но намъ они проспѣйшимъ языкомъ

Признались, что другъ друга ненавидяшь,

Смѣшнѣе ничего любви не видяшь,

И только для того доигрываютъ роль,

Чтобы о нихъ не замолчали въ свѣтѣ.

И мы опсправились опшоль

Къ ученому: его заспали въ кабинетѣ

За книгами; но книги ѣла моль;

Онъ намъ сказалъ: «онѣ единственно для виду,

Въ нихъ въ годъ заглядываю разъ;

Труды и чтение пагуба для глазъ.

Вопшъ завернули къ Ариспиду

Новѣйшихъ дней, къ судья: » сердечно бы я радъ, «

Такъ говорилъ судья, — «продашь неправдѣ душу,

»Но, мой почтениѣйшій, я прущу!

»Вѣдь сто рублей и штысяча не кладъ:

»И предлагашъ такую малосшь глупо;

Большая у меня семья —

Дарить, такъ ужъ дарить не скупю! «

Два франша къ намъ пришли; ихъ прозвали: *друзья*;

Что не солгали

Краснорѣчивой древности скривали,

Что подлинно Дамонъ и Пейасъ живали,

Изъ ихъ примѣра утверждали;

Друзья усѣлись — и тогда —

Ты оптадаешъ ихъ признаше:
То было ихъ послѣднее свиданье;
Друзья разсѣлились навсегда.

З н и ч ѣ .

Что жъ пшвой пипомецъ при подобныхъ встрѣчахъ?

К и к и м о р а .

Жальешъ о своихъ минувшихъ сѣчахъ,
О спранспвяхъ своихъ былыхъ,
О шѣхъ пустыняхъ грозныхъ и пѣмыхъ,
Гдѣ онъ скучалъ, какъ здѣсь скучаешъ,
И сердился и увѣраешъ,
Что вѣдалъ это напередъ,
Что это вовсе для него не ново:

Онъ каменный, онъ ледъ!

И если бы не данное мнѣ слово,
Меня прогналъ бы онъ давно:

Ужисься съ нимъ, спрахъ, брапецъ, мудроно!

З н и ч ѣ .

Кикимора, шебъ, какъ другу,

Я окажу услугу:

Возьми, вошь порошокъ;

Онъ мной сосшавленъ изъ огня живаго,
Копораго пылающій пошокъ

Причина всякаго бышья земнаго;

Я жъ при содѣйствіи ночныхъ свѣшилъ

Моими чарами огонь сгусшилъ.

Знай: въ порошокъ чудеснѣйшая сила;

Знай: смершншй, будь онъ хладенъ, какъ могила,

Любовью загорипшъ, какъ вкусипшъ онъ него;

Онъ опреченся онъ всего;

Ее лишь будетъ видѣшь во вселенной;

За ней послѣдуешъ повсюду и всегда,

Но если влюбился она въ него — бѣда!

Любовь погаснешь въ немъ — перунъ мгновенный,

Раздравшій ризу тьмы,

Блескъ, за кошорымъ мракъ мрачнѣе вдвое.

Заговорились мы;

Прощай, обнимемся!

К и к и м о р а.

Нѣтъ, брашъ, пустое!

Благодарю себя, но ты сожжешь мой фракъ.

Вы Саламандры пламень,

Да я шеперь не воздухъ и не камень.

З н и ч ь.

Я зябну здѣсь: прощай, чудакъ!

(Зничь пропадаетъ
въ огнь.)

К и к и м о р а (однѣ.)

Да, славный порошокъ и преполезный!

Спасибо, Зничь любезный!

Вамъ, Левъ Пешровичъ, удружу:

Не спану передъ вами лицемѣришь,

Не обману васъ, правду всю скажу;

Но вы вольны жь мнѣ вѣришь или не вѣришь

И если вамъ лжецомъ казашься буду я;

Что дѣлать? шакова судьба моя!

Хошя и горько и обидно,

Не спорить же съ Судьбой, какъ видно.

Излѣчился ошъ скуки наконецъ

Сспраданьями мой молодець

Живыми, самыми живыми — вамъ ручаюсь.

Посмотримъ, какъ ихъ поспѣшишь обияшь?

На вялосшь ихъ, — надеждою ласкаюсь, —

Не будешь намъ пѣняшь.

(Уходишь.)

Я В Л Е Н І Е 2.

(Домъ Кнзя Пронскаго; комнаша Лидіи: *Лидія* и *Графиня*.)

Лидія (поправляясь передь прямо.)

Еще бы не скучашь! Мой Боже!

Здѣсь въ Пешербургъ все одно и шо же.

Графиня.

Неблагодарная! она, —

Нѣшъ бала, нѣшъ собранья, —

Полкомъ вздыхающихъ окружена;

Для нихъ законъ ея желанья:

И смѣешъ говоришь, что скучно ей!

Лидія.

Да, признаюся въ глупости моей:

Они-шо именно мнѣ надоѣли,

Всѣ эти Селадоны, пуспомѣли,

Любезники, пипомцы нашихъ замъ. —

Какъ только вспомню балъ,

Ихъ сладость, оспрошы, кривлянье, вздохи, лепешъ,

Меня бросаешъ въ страхъ и шрепешъ.

Сначала весело дурачишь было ихъ;

Но вижу: и щелчковъ моихъ

Они не спояшъ.

Графиня.

Всѣ? безъ исключенья?

По крайней мѣрѣ, вашъ Ижорскій не похожъ —

Лидія.

— Ижорскій? вашъ герой? — хорошъ!

О! нѣшъ сомнѣнья:

Онъ не маршышка онъ медвѣдь.

Графиня.

Однако жъ этому медвѣдю съшь
Раскинушь шы пышалась.

Лидія.

Чшо жъ? вамъ я признавалась

И признаюсь вѣдь было бы смѣшно,

Когда бы небомъ было суждено

Его разнѣжишь мнѣ! (Помолчавъ) Ма снѣге, смѣшно бы было:

Воображаю, какъ смопрѣль бы онъ ушло,

Какъ ревноваль бы невпопадъ!

Гяуръ нашъ, нашъ Конрадъ

Опъ одного дрожалъ бы, шаялъ взора,

Опъ взора моего! — Ручаюсь вамъ, умора!

(Хочочешъ; входишь слуга.)

Слуга.

Ижорскій Левъ Пепровичъ

Лидія. (продолжая смѣяться.)

Опъ! приняшь!

Его въ госпинной будемъ ожидать.

(Слуга уходитъ; за нимъ Лидія и Графиня.)

Я В Л Е Н І Е 3.

(Кабинетъ Ижорскаго; Кикимора, пономъ Ижорскій.)

Ижорскій.

Кикимора, гдѣ ключъ опъ форшеньяна?

Кикимора.

Не знаю: заложень.

(Въ сторону.)

Лъкаршво дѣйшвуешъ: герой влюблень.

И ж о р с к і й.

Что ты смеешься, обезьяна?

К и к и м о р а.

Опъ скуки сказку я прочель:
Мудрецъ влюбленный; пресмѣшная сказка!

И ж о р с к і й.

И сходство ты нашель?

К и к и м о р а.

Прошу покорно: вошь привязка!
Какое сходство? съ кѣмъ? съ побою?

И ж о р с к і й.

Да.

К и к и м о р а.

Влюбленъ ты? не повѣрю никогда.

И ж о р с к і й.

Влюбленъ . . . какъ это слово мало?!

Съ ея бышьемъ мое бышье

Судебъ опредѣленіе связало;

Изъ всей вселенной я избралъ ее.

Горжусь передъ побою,

Насмѣшникъ жалкій, злополучный духъ:

Въ тебѣ нѣтъ жизни, ты для гласа сердца глухъ;

Могущъ, безсмертенъ ты, но ты съ душой родною

Не встрѣпишься во вѣкъ;

Я слабъ и смертенъ — пущь! но человекъ.

К и к и м о р а.

Такъ, шакъ! ты человекъ: въ воспоргѣ эпомъ глупомъ,

Въ непосредствѣ эпомъ узнаю

Природу въпрошлѣнную твою.

Давно ли сравнивалъ себя ты съ хладнымъ струомъ ?

» Я для всего просыхль, перегорѣль;

» Ужь не доступенъ я для сырѣя

» Спраспей и рока и напаси.»

И кто же? ты невольникъ спраспи,

Копорой, — не сердися, свѣшь!

Изъ всѣхъ спраспей смѣшнѣе нѣтъ?

Къ тому жь, передъ побою

Скрывашь нужды нѣтъ и не скрою:

Ты почю правъ былъ; безъ огня,

Безъ жизни, камню мершвому подобенъ,

Ты не былъ ужь способенъ

И забавляшъ меня.

Съ шакимъ кумиромъ годъ по нашему условью

Прожинь — мнѣ спало шяжело:

Я, я надменности швоей на зло

Околдовалъ шебя любовью.

И ж о р с к і й.

Ты?

И ж о р с к і й.

Такъ я. Не ужель не знаю васъ,

Смѣшныя, гордые Адамовы попомки,

Васъ, родъ заносчивый, какъ вѣчный кедръ — и ломкій,

Какъ просохъ сухая, какъ зерна лишенный класъ?

Но вы намъ опиданы во власшь;

Вы наше достоянше, наша часшь;

По волѣ мы играемъ вами;

Вамъ заблужденія даемъ,

То спужей васъ знобимъ, по жжемъ огнемъ

И веселимся вашими спраспями.

Безумья ваши намъ насущный хлѣбъ;

А не припомню я ни разу,
Чтобы из васъ кто сотворилъ проказу
И не вирилъ бы неба и судебъ:
Нось расшибете? — Божіе велье!

Спохкинешь? — шайна! глубина!
Не такъ ли? вспрѣлилась шебѣ швоя: »она«,

И ты задумалъ въ шо жь мгновецье :

»Ее узналъ я; рокомъ мнѣ дана!?

»Она моя — та половина,

»Съ кошорою соединень и слишь,

»Божественный Гермафродитъ,

»Когда-шо я посллся среди чина

»Безплошныхъ, дивныхъ силъ,

»Но памъ — не знаю, какъ? — да согрѣшилъ;

»Тогда Создатель

»Меня во гнѣвѣ на два распилилъ»

И прочее, о чемъ мечтатель

Платонъ премудрую систему сочинилъ (*)!

Прекрасно, слова пѣпъ; догадливъ ты и шнокъ

И разсудилелень: а между шѣмъ бѣсѣнокъ,

Покорный вамъ слуга, надъ вами подшупилъ!

И ж о р с к і й.

Досадно и шѣмъ болѣе досадно,

(*) Мнѣніе о первобышно-двуполой природѣ челоуѣка обыкновенно считаютъ наспоющимъ Платоновымъ; между шѣмъ въ Симпозионѣ, (*въ разговорѣ о различныхъ родахъ любви за столомъ у Поэта Агапина*), въ кошоромъ Греческій Шеллингъ предлагаетъ оное, не *Сократъ*, коему обыкновенно Платонъ влагаешъ въ уста шо, что самъ признаешъ за истину, а насмѣшникъ Аристофанъ высказавленъ защитникомъ этой системы; изъ чего, по крайней мѣрѣ для меня, ясно — что шупъ ни что иное, какъ шупка. И шакъ Г. Кикимора напрасно клеветешъ на покойника Платона.

Что, кажется, ты прав!

Не быль такъ: опъ пвоей мнѣ шушки не накладно;

Опъ чаръ ли я какихъ, волшебства или правъ

Влюбленъ, — но все влюбленъ, и радуюсь любви:

Ты съ нею покъ роскошный, новой крови

Мнѣ пролилъ въ жилы; сердце расцвѣло,

Все вокругъ меня вновь ясно и свѣшло;

Во взорахъ Лидіи взаимность я чпшаю,

Въ порывахъ сладоспныхъ и бурныхъ утопаю.

К и к и м о р а .

И все, что слыуешь, какъ по извъспно намъ

Давно изъ припорныхъ элегій, изъ посланій,

Исполненныхъ воспорговъ и спраданій!

Да съ позволенья вашего я вамъ

Со всею скромностью вопросъ задамъ:

Что, если ангель вашъ лукавитъ, лицембришь?

Что, если — пусшь и не при всѣхъ, —

Но шайно подымаешь васъ на смѣхъ?

Вашъ ангель женщина, а женщины повѣршь

Ребенокъ развѣ — вдругъ

Задумался? . . . меня къ ней не свезешь ли, другъ?

(Ижорскій беретъ шляпу и выходитъ, Кикимора за спшой его кривляешя съ злою улыбкою, а пошомъ выбѣгаешъ въ садъ.)

Я В Л Е Н І Е 4 .

(Садъ на дачѣ у Князя Пронскаго. Князь, Лидія, Графиня, прогуливаясь; — Ижорскій и Кикимора, спряшанные за деревомъ.)

Г р а ф и н я .

Послушайте, топ опсе, что Лиди говоришь!

Не уже ли мой фаворшь

Ижорскій держипь шума?

Онъ? пушешеспвенникъ, философъ, филантропъ?

Князь.

Охъ вы, разумницы! ну держипь шума!

Что жь шумъ худаго? Торикъ и Эзонъ

Что были? вѣдь шумы жь! и на меня минуша

Находишь иногда, въ копоруку, когда бь

Я не былъ вашихъ предразсудковъ рабъ,

Меня бы упѣшаль дуракъ забавный

Гораздо болѣе всѣхъ вашихъ мудрецовъ.

Люблю Москву я, городъ православный:

Вопь шамъ живушь по правиламъ опцовъ;

Хопь наряжаюся и шамъ подь часъ въ шумиху,

А золопу все чешь и славу опдаюшь;

Въ Москвѣ у Князя Алексѣя шумъ,

Купила Марья Дмиревна шумиху

Лидія.

Рара! возможно ли? Москва

Князь.

Не Пешербургъ? — Слова, однѣ слова!

Ижорскій спранецъ: мы согласны;

Да человекъ богатый онъ, прекрасный,

Родня большая, множеспво связей,

Проигрываетъ куши,

Сказашь, какія? при иномъ не смѣй:

За по семь тысячъ душъ! за эши души

Прощу мильонъ да не шакихъ заптѣй!

Ижорскому изъ первыхъ я друзей:

И васъ, mesdames, прошу, какъ можно,

Съ нимъ обходишесь опсорожно.

Лидія.

Его просили вы?

Онъ дурака хопьль привезшь сюда на дачу

Князь.

Просиль.

Лидія.

Съ досады чуть не плачу:

C'est ridicule! побойшесья молвы

Князь.

»C'est ridicule« — вотъ ненавижу слово:

Оно у васъ про все и для всего гошово,

Но больше не хочу вамъ пошакать:

Моихъ плохихъ и жалкихъ обшояпельшвъ

Не ушаю опъ вашихъ я Сіашельспвъ;

А чѣмъ могу ихъ поддержать?

Въ Ижорскомъ Богъ послалъ мнѣ благодашь:

Опъ не игрокъ, не любилъ онъ играшь,

Играешъ такъ со скуки;

А между шѣмъ Господь не даромъ далъ мнѣ руки.

Конечно эшопъ способъ сопряжень

Съ большею трудностью: другой я, лучшей знаю;

Тебѣ, ma chère Lydie, его не предлагаю;

Однако же въ тебѣ Философъ нашъ влюбленъ . . .

(Лидія плачетъ.)

Mon âme, сепшменшальность ненавижу:

Не плачь! я для тебѣ бѣды большой не вижу,

Хошя бы замужъ выдши за него.

Но впрочемъ и не шребую шого.

Не ужшо не поймешъ? У васъ плушовокъ

Тьма хшпросшей, увершокъ и уловокъ;

Не мнѣ тебѣ учишь: найдешъ сама

Довольно средспвъ, какъ свесшь его съ ума.

Мнѣ денегъ, денегъ! бьюсь не изъ большого:

Будь деньги, същемъ жениха любого.

Принарядишесь для побѣдъ:

Къ намъ Лезъ Пешровиць будешъ на обѣдъ . . .

Какъ васъ приму я, Левъ Петровичъ!

(Дѣлая рукой движеніе, будто знакомить госпед между собою.)

Рекомендую: наши все! друзья!

Графъ Фаро, — Князь Тузовъ, — Лордъ Гамшеръ, — Папъ
Спассовичъ:

Ихъ полюбилъ прошу покорно я!

(помолчавъ)

Да! приказать въ уху прилипъ араку:

Одно Шампанское безъ крѣпости, безъ смаку!

Впухъ разорился я: увы! уха и дочь,

Но откажитесь вы сегодня мнѣ помочь!

(Уходитъ.)

Графиня.

Какія правила! какія наставленья!

И будешь въ пользу вамъ? но въ эпомъ нѣтъ сомнѣнья:

Вы своего опца достойное дитя;

Плѣнять, обворожать, заманивать, шупя,

Умѣете

Лидія.

Оставьте оскорбленья,

Графиня! низостей чужда душа моя:

Игорскаго я не любила,

Но гордось, признаюсь, мнѣ голову вскружила,

И очень виновата я —

И вошь наказана! . . . Однако, мнѣ повѣрьте,

Различіе найдется между насъ:

Тщеславье ослѣпивъ могло меня на часъ,

А все на свой аршинъ меня не мѣрьте.

(Уходитъ.)

Графиня.

Благодарю покорно! но я вамъ

Себя, — въ свою мнѣ очередь повѣрьте, —

Безъ наказанья унижать не дамъ! —

(Уходитъ; выходятъ Ижорскій и Кикимора, копорый въ продолженіе предыдущаго разговора нѣсколько разъ высывался и пгьлдвиженіями сопровождалъ слова играющихъ, особенно Князя.)

К И К И М О Р А .

Кшо правъ? я или ты? ты слышалъ самъ:

»Ижорскаго я не любила,

»Мнѣ шолько гордоснѣ голову вскружила.»

Вошь видишь ли, любезный мой Адамъ:

Твоя небесная, божешвенная дѣва, —

Хоша признашься въ шомъ и неприятно мнѣ, —

Такая жь Эвва,

Какъ всѣ оны! —

И Ж О Р С К І Й .

Вошь, вошь гдѣ — въ сердцѣ смерть! Ты побѣдилъ, лукавый!

Такъ, смѣйся, шоржешшуй! Расперзанный, кровавый,

Для челошвѣства безчувшвенъ, слѣпъ и глухъ,

Я швой опшннѣ, адскій духъ!

Людей я презиралъ, опшннѣ ненавижу.

Она — нѣшъ! нѣшъ! — ее я боль не увижу.

Любовь, ко мнѣ любовь мнѣ въ ней являло все:

Въ движеніяхъ, въ очахъ любви свяшая сила,

Со мной душа ея, казалось, говорила

И не любила!

Я былъ игрушкой для нее:

Она меня съ Вздыхалкиншмъ сравнила,

Съ Жеманскимъ, съ шварями! а я ей бышіе,

Дыханье каждое ей посвящаль я! больно!

(Кикимора смѣшся.)

Хохочешь, врагъ? довольно!

Всему ешъ мѣра, мѣра ешъ всему,

Терпѣнью даже моему;

Ты вспомни, власнѣ дана мнѣ надъ шбой, предашель:

Ужаснымъ быть могу

Кикимора.

Не для меня, пріятель:

Мой годъ неволи кончился вчера;

Изъ милоспи одной, изъ сожалѣнья

Съ побою пробыль лишній день я;

Разспашься намъ пора!

* * *

Такъ, пора — и я покину

Вашъ неспособный, блѣдный свѣтъ,

Вашу душную долину,

Гдѣ наводишь все кручину,

Гдѣ ни шьмы, ни блеску нѣтъ.

Прилечу — и будетъ праздникъ

Между нашихъ шалуновъ:

»Возвратился нашъ проказникъ!«

Такъ воскликнешь полкъ духовъ.

Здѣсь я дряхлый спарикашка,

Тамъ же свѣжъ и вѣчно юнъ,

Весель, лежокъ, будто ппашка,

Скорь, какъ яроспный перушь.

Спрекоза, мой конь репивый,

Вѣрный конь, — зову! сюда!

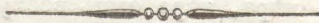
Унеси меня шуда,

Въ край свободный и счастливый,

Въ край лучей и грозъ и бурь,

Въ безпредѣльную лазурь!

(Кикимора исчезаетъ; Ижорскій закрываетъ лице руками,
и поспѣшно уходитъ.)

ДВѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Брянскій лѣсъ. Русалки качаются на деревьяхъ; *Кикимора*;
попомъ *Илжорскій*.)

Хоръ Русалокъ.

Смотряшь внизъ густыя пучи;
Чей-то голосъ въ мракъ бродишь; —
Лѣшій пушниковъ заводишь:
Дикъ и спрашенъ боръ дремучій.

* * *

Здѣсь и днемъ глухая ночь;
Не былъ слышенъ здѣсь ошь вѣка
Спукъ сѣкиры дровосѣка:
Звѣрь бѣжишь опселя прочь;
Здѣсь объемлешь челоуѣка
Дрожь, нѣмага мрака дочь.

* * *

Здѣсь ничей насъ не превозишь
Любопытный, дерзкій взоръ:
Къ намъ проникнушь въ черный боръ
Только оборошенъ можешь.

Одна Русалка.

Но что я вижу? Ловчій дерзновенный
Сюда зашелъ! и не содрогся онъ,

Когда съдаго Пана пляжкѣй спонь,
Споусшнымъ, дикимъ гуломъ повшоренный,
Возспаль предъ нимъ при входѣ въ нашъ предѣль!
Ошъ спраха онъ не паль? не помершвѣль?

Д р у г а я .

Когда предъ нимъ сгуспилися шуманы,
Когда изъ шихъ призраки — великаны
Подъялися, нашъ полкъ спорожевой,
Сстояли, возвышались надъ древами
И длинными махали рукавами:
Ужель шогда при входѣ въ нашъ предѣль
Ошъ спраха онъ не паль, не помершвѣль?

Х о р ь .

Ужели онъ при входѣ въ нашъ предѣль
Ошъ ужаса не паль: не помершвѣль?

К и к и м о р а ,

Бросьте же вздоръ романшическѣй,
Гнѣвъ прекрашите лирическѣй;
Но удивляюсь и самъ я:
На чудака погляжу,
Можешь, узнаю: и вамъ я,
Кшо эпошъ ловчѣй, — скажу.

1. Р у с а л к а .

Скажи, скажи, любезный брашець!
Между людьми вѣдь шы живаль:
Бышь можешь, гдѣ его встрѣчалъ.
Смошри, какой нахаль,
Какой наглець и свяшопашець!

В с ь .

Какой наглець и свяшопашець!

Какой нахаль!

Между людьми вѣдь ты живаль:

Кто онъ? скажи: любезный братецъ!

Кикимора. (Смотритъ съ дерева.)

Ижорскій, ты ли? старый другъ,
Какъ изменился ты! Какъ исхудалъ ты вдругъ!
Какъ блѣдень! дикъ твой шагъ по медленный, по шибкой,
Уста искажены язвительной улыбкой,

Въ лицѣ, въ движеньяхъ сягоспный недугъ.

Бѣдняжка! — нѣтъ, теперь живыхъ тѣхъ ощущеній
Не думаешь искашь, кошорыхъ ты искалъ;

Оправоу напишанный кинжалъ

Въ груди твоей, кинжалъ безумья и мученій;

Въ твоей буншующей крови

Весь пламень яростной, неистовой любви,

Весь пламень ревности — и нѣтъ тебѣ надежды!

Вы, люди, жалкіе невѣжды:

Почто зовете насъ духами зла и тьмы?

Союза вашего не ищемъ мы:

Надъ человѣчествомъ не возносишесь сами;

А намъ, — къ чему намъ связываться съ вами?

Вопь презрѣлъ данное ему судьбой,

Желалъ того, что смертному не въ силу —

И сокрушился подо мной

И клонился въ разверстую могилу!

Но вѣдайте, друзья,

Его сгубилъ не я;

Его сгубила собственная гордость:

Орломъ не будешь муравей во вѣкъ,

И грязи не дана алмаза швѣрдость;

Бышь демономъ не думай человекъ.

Хоръ Русалокъ.

Его сгубила и проч.

К и к и м о р а.

Молчите, пуспомели!

Вы мнѣ рѣзанами своими надоѣли:

Вы хуже Русскихъ рѣмачей,

Которые не разъ меня бѣсили;

Ввѣкъ по швердяшъ, что имъ друзья ихъ напвердили,

А ради присягнушь: » не крадемъ у друзей! «

Спиши ихъ рвотное для спраждающихъ ушей.

Да мы оставимъ ихъ и съ высоты древесной

Послушаемъ знакомца моего:

Ручаюсь, будете монологъ чудесной;

Вѣдь звали жъ въ свѣтѣ умникомъ его.

К и к и м о р а.

Послушаемъ, послушаемъ его!

И ж о р с к і й (облокопясь объ ружье.)

1.

Съ ружьемъ блуждаю одинокій,

Взведенъ убійственный курокъ;

Неупомимый я спрѣлокъ,

Ловець суровый и жестокій.

2.

Слѣжу медвѣдей и волковъ;

Меня жъ слѣдишь, не отдыхая,

Всегда, повсюду боль живая

И гонишь въ шьму изъ шьмы лѣсовъ.

3.

Какъ прупъ, ожившій средь могилы,

Такъ, содрогаясь, ожилъ я

Для чувсва муки бышїя;

Я рвусь — нѣтъ, нѣтъ спасшїя силы!

4.

Увы! испилъ я люшый ядъ,

Оправу спраспи безнадежной;

Пошу въ груди моей мясешной
Всѣ муки ревности, весь адъ . . .

5.

Люблю и вмѣстѣ презираю;
Клянусь себя, но все люблю:
Кто выразишь, что я перлю?
Кто выскажешь, какъ я спрадаю?

6.

Огнемъ свирѣтымъ спала кровь;
Какъ на горѣ ужасной, холодной
Терзалъ Титана коршунъ жадной,
Такъ я расперзанъ, о любовь!

(Помолчавъ.)

Въ пѣмую глушь, спрадалецъ, убѣгаю
Ошь рода омерзѣвшихъ мнѣ людей;
Такъ! люди хуже дикихъ шѣхъ звѣрей,
Которыхъ здѣсь напрасно поражаю.
Бѣгу — но всюду гибельный призракъ
Въ прозрачной пѣмѣ мелькаешь предо мною;
Онъ, гладный, кормится моею душою:
Вошще скрываюсь въ неприспунный мракъ;
Вездѣ, всегда Сирены образъ вижу,
Которую люблю и ненавижу;
Ея лице являетъ мнѣ луна,
Ее встрѣчаю я во всей вселенной,
Все для души моею обвороженой —
Заря и солнце, день и ночь — она.

Она — въ зефирѣ каждомъ дышишь,
Со мною шепчетъ въ шелестѣ листовъ;
Падешь ли что? — шо шумъ ея шаговъ;
Мой слухъ ее въ ручьи и въ шпрь слышишь.

Часть I.

4

Когда жъ заблещешь раниая роса,
Тогда ея густые волоса
Я обоняю въ муравь душистой,
Тогда въ росинкѣ каждой серебристой
Навстрѣчу мнѣ горяшь ея глаза.
Она — о спрахъ! о радости и мученье!
Теперь же, въ это самое мгновенье,
Сквозь слезы улыбаясь и шenea,
Вопшь съ каждой вѣпки смоприть на меня!
(Убгаешъ.)

К и к и м о р а.

Онъ бредишь не путемъ, сесприцы!
Вѣдь сумасшесствіе его печаль:
Признашься вамъ — его мнѣ жаль . . .
Какъ? жаль! а скажущъ что чшецы и чшицы
И кришки, когда прочшущъ,
Что пожалель о немъ я? — кешапи ль?
Кто? я? Кикимора, бѣсенокъ, шущъ и плущъ,
Мефиспофеля подражатель?
Къ несчастью данъ характеръ бѣса мнѣ;
И вопшь воскликнешъ хоръ ихъ спюязычный:
» Характеръ злой, чершямъ приличный,
» Чершенокъ долженъ выдержашъ вполнѣ.«
Что дѣлашь, другъ? вопшь, видишь ли? не смѣю!
Жальшь хоньлось бы мнѣ о шебъ;
Но не угодно шо Журналамъ и судьбѣ:
И пакъ, любезный, не жалью.
И въ самомъ дѣлѣ поваръ былъ бы глупъ,
Который, самъ свергнувъ цыпленку шею,
Надъ нимъ бы плакашь спалъ? ишь, брашь — цыпленокъ,
въ супъ!
А человекъ, игралице волнений,

Когда его покинешь жизни теней,
Въ могилу, смрадный грунь!
Пока жъ еще въ немъ сердце бьется,
Пока еще спрадаешь и мянешся,
Попышимся игрой его спрасней;
А дабы кое что прибавишь къ нашимъ знаньямъ,
Его подвернемъ разнымъ испытаньямъ;
Насъ извиняешь же примѣръ самихъ людей:
Для расширенія границъ науки
Они жъ вѣдь рѣжущъ на куски червей,
Вѣдь попрошашъ живыхъ пернатыхъ и звѣрей;
Такъ почто наши опыты и шпунки
Обогащаютъ Физику чершей.
(Бука вдругъ выходитъ изъ-за шп.)

Р у с а л к и.

Сесприцы, Бука! ай! (прячущся.)

Б у к а.

Да, Бука! я васъ, шлюхи!

Нѣтъ, вѣрно, розогъ у Яги-Спарухи:
На всѣхъ мамзели еляхъ и дубахъ
Качаются; не держишь ихъ въ рукахъ!
Что, краснобай! пустился въ разсужденья?
А Буки не ждалъ? Ешь хвалишься чѣмъ!
Да шы, я вижу, поглупѣлъ совсѣмъ;
Забылъ уроки всѣ, всѣ наставленья,
Которыя памъ, въ школѣ чертенишь,
По книжицѣ ученѣйшаго бѣса,
Профессора денницы, вамъ швердяшь.
Такъ мало же я сѣкъ себя, повѣса!
Ижорскаго съ ума свель — удружилъ!
Я развѣ этому себя училъ?
Не скорби, не болѣзни, не спраданья,

Ex bibl. univ. Dorp.

Нѣтъ, сударь, преспуленья, злодѣянья
Крѣпящъ въ подлунномъ мѣрѣ власщъ чершей.
Одно у насъ оспалося орудье,
Копорымъ вызываемъ правосудье
На племя ненависпныхъ намъ людей —
Грѣхъ! и грѣхомъ, какъ съпью или мрежей,
Мы шащимъ въ адъ Адамовыхъ дѣшей.

А пы

(Кикимора хочеть что-шо сказань.)

Еще оправдывашься смѣй!

Молчашь! пы совершеннымъ спалъ невежей!
Безъ помощи другихъ духовъ, смолри,
Что самъ испоршилъ, самъ изволь поправиль;
Твоей хочу я спѣси поубавиль:
Чтобы до ранней, упренней зари
Въ немъ сумасшесшвѣя не было и слѣда!
Не шо — опъ насъ подаль удери:
Надьюсь, знаешь Буку людоѣда!

(Уходишь.)

Русалки (выглядывая.)

Кикимора, ау!

Кикимора.

Чего хошише? ну!

1. Русалка.

Кикимора, ушель ли Бука?

Кикимора.

Ушель.

2. Русалка.

Какъ спрашенъ онъ! опъ одного ужъ звука
Такого голоса мы все еще дрожимъ.

3. Русалка.

Про что, голубчикъ, говориль пы съ нимъ?

К и к и м о р а.

Не я съ нимъ говорилъ, онъ говорилъ со мною,
И раскусишь мнѣ даль шакой орѣхъ,
Который . . . Но мнѣ спѣхъ:
Прощайте вы; пушусь падучею звѣздою,
Слечу къ Вавилѣ колдуну;
На перекресткѣ онъ, какъ полночь, шакъ ворожишь.
Я спарика на разумъ наполку;
Надежда на него; Вавила мнѣ поможетъ!
(Улеташь.)

Я В Л Е Н І Е 2.

Изба крестьянина Богдана; Богданъ съ женой
и съ дѣтьми за ужиномъ.)

Б о г д а н ъ.

Къ обѣду каша, къ ужину грибы:

Еще мы Богомъ не были забышы.

Что дѣши? сышы ли?

Д ѣ т и.

Спасибо, няня! сышы.

Б о г д а н ъ.

Такъ всаньше же, перекрестните лбы,

Ложитесь спать вы — нушка!

Да накормила ты шеляшъ, Мареушка?

Д о ч ь.

А какъ же.

Б о г д а н ъ.

То-шо же! ну, конченъ день шеперь.

Куда шы, Өомка?

С ы н ь.

Зачиню я дверь.

В а в и л а (входя)

Не зачиняй, вступи, Өома Богданочь!

Б о г д а н ь.

Сосѣдь Вавила! шы зачьмъ забрель?

В а в и л а.

Въ извозѣ былъ я, ворошился на ночь;

Огня ужъ въ хашѣ не нашель;

Придется завпра показашь Марину:

Такъ одолжи же, засвѣчу лучину.

Д ь т и.

Колдунъ Вавила! у!

Б о г д а н ь.

Огня

И не проси шы у меня:

Ты на спрашиной у Москоленка

Вопшь шакже браль огня,

А къ вешнему Николь ни коня

Но спало у него, ни свинки, ни шеленка.

В а в и л а.

Не дашь огня?

Б о г д а н ь.

Не дамъ.

В а в и л а.

Такъ помни жь: я Вавила!

Сынокъ швой, дочка, смерть какъ хороши!

Меня не любишь — пущь! люблю ихъ безъ души.

(Уходишь.)

Б о г д а н и х а .

Охъ! крестная да будешь съ нами сила!
Онъ похвалилъ ихъ! дупь, да плюнь! бѣда!
За чѣмъ его впустили мы, сюда?

Я В Л Е Н І Е 3 .

(Полночь; перекрестокъ; Вавила ворожишь.)

В а в и л а (клалясь на всѣ чешыре
спороны.)

На воспокъ разъ, разъ на западъ,

Разъ на сѣверь, разъ на югъ

Обернуса, поклонюся:

Свашъ воспокъ мнѣ, сѣверь другъ,

Западъ! я шебя держался,

Югъ! съ шобой я побрашался.

* * *

Духи ночи, духи смерши,

Духи ада, духи зла,

Быль ошець слугой вамъ, черши!

Вѣдьмой машь моя была;

Сынъ опрекся онъ крещенья:

Я ихъ сынъ — вамъ рабъ съ рожденья.

* * *

Проклялъ я ошца роднаго,

Проклялъ я родную машь,

Проклялъ, что ни ешь свяшаго,

Бросилъ крестъ и благодашь:

Вашъ я, вашъ; мнѣ помогиле,

Родъ Богдана испребите!

(Падаетъ звѣзда; ударъ грома: передъ Вавилой
спюишь Кикимора.)

К и к и м о р а .

Что , красноглазый , ты развѣлся никакъ?
Выпьемъ пугаешь полуночный мракъ.
Чего желаешь?

В а в и л а .

Много чести,
Кикимора! — скажу безъ лести:
Не спую, право, я того,
Чтобъ умникъ ты, любезникъ и повѣса
Послушалъ зова моего;
Довольно было бы и худенькаго бѣса
Изъ мелкихъ, изъ хромыхъ мнѣ спарику;
Мужикъ простой я, безъ зашѣй, безъ чванства,
Дворянчикъ ты изъ адскаго дворянства:
Мнѣ ль знашься съ господами, мужику?

К и к и м о р а .

Смирнничай! ты плушь, Вавила, плушь извѣстный;
Да вѣдь меня не проведешь:
Другихъ бѣсовъ не призовешь;
Всѣ заняты . . . Мнѣ вѣдомъ подвигъ честный,
Который хочешь совершить:
Людской же жизни нишь

(Такъ неподвижными положено Судьбами)
Распоргнишь можемъ мы людскими лишь руками.
Пріятель, отвѣчай: желаешь ли подь кнушь?
(Самъ видишь, я шебѣ не разспавляю съши!)
Тогда сегодня же Богдана дѣши
Подъ попоромъ своимъ — не иначе! — умрушь.

В а в и л а .

Кнушь? нѣшь! не хочется подь кнушь. Ну, корчу
Нашли на нихъ!

К и к и м о р а .

Я ихъ испорчу;

Но долгъ, самъ знаешь, красенъ плашежемъ:

Въ волка себя на часикъ обернемъ.

В а в и л а.

Прошу покорнѣйше! Какія предложенья!

Какія выдумки у эпихъ чершеняпъ! —

А что, когда меня собаки заѣдятъ?

К и к и м о р а.

Что? заѣдятъ тебя зубами безъ сомнѣнья,

Да нѣтъ: не прусь! тебя я сберегу:

И ноги подкошу собакамъ на бѣгу,

И проведу всѣ пули мимо;

А бышь волкомъ тебе необходимо

И даже прибыльно — вопль видишь, почему:

Ты службу барину сослужишь своему.

В а в и л а.

Ижорскому?

К и к и м о р а.

Ему.

В а в и л а.

А какъ?

К и к и м о р а.

Да слушай!

Какъ будешь ты волкомъ, овецъ не кушай,

Въ сосѣдній дворъ

Не лазь черезъ заборъ;

Нѣтъ! потчасъ опиравайся въ боръ.

Въ бору Ижорскій, словно Кайнъ, бродитъ,

Вздыхаетъ, рвется, мелеть вздоръ,

Тоску, зѣвошу, сонъ на лѣшихъ всѣхъ наводитъ;

Съ нимъ встрѣнишься — вснуци съ нимъ въ разговоръ:

(Каковъ онъ, онъ него скорѣ волку

Добьешься шолку,

Чѣмъ людямъ: онъ бѣжипь людей,
И всякій человекъ въ его глазахъ — злодѣй)

Скажи ему: » влюбленъ пы, примѣчаю,
» А какъ помочь шебѣ, повѣрь мнѣ, знаю! «
Онъ назовешъ — шебѣ вошь слово я даю —

Красавицу свою ;
Какъ будешъ имя знашь, извѣстнымъ наговоромъ
Взволнуй дѣвчонки гордой кровь ;
Надежда на ея любовь

Излечишь чудака: онъ деньгами, какъ соромъ,
Тебя осыплетъ; славно будешъ жишь,
Надъ спаросшой смѣяпсья и десяпскимъ ,
И сладко ѣшь и сладко пишь ,

Всѣхъ въ зависпъ приведешь кашпаномъ хвапскимъ.
И

В а в и л а .

Бышь пакъ: по рукамъ! смощри же, не солги!

Кикимора (кладя руку на голову Вазилъ.)

Будъ волкомъ волкъ! душой пы волкъ: къ волкамъ бѣги!

(Вавила оборачиваетсь въ волка и бѣжитъ въ лѣсъ.)

Исчезнущъ? нѣтъ! еще мнѣ слово

Почтенной Публикѣ желаетсь сказать.

На эту сцену вошь какъ спанущъ возражашъ:

Сосѣдъ сосѣду скажешъ: »безполково!

» Къ чему Кикиморѣ къ Вавилѣ прибѣгать?

» Какъ будто онъ не духъ? Онъ долженъ бышь сильнѣе ,

» Умнѣе, чѣмъ колдунъ.

Такъ почно! но Ижорскимъ вѣдь по шеѣ

Быль прогнапъ бы шалунъ,

Когда бы гдѣ съ нимъ встрѣшилсь. Къ шому же

Гораздо бышь могло бь еще и хуже:

Ижорскаго кольцо забыли-вы?

Онъ имъ любаго духа свяжешь:
Чшо ежели еще служилъ себѣ прикажешь?
Нѣшь! лучше живи въ дуплѣ кумы моей,
Тогда — (ну, знаете! въ концѣ впораго акна)
Онъ память потерялъ съ сердцовъ:
А шо бы безъ условья, безъ конспракта,
Не радъ, да будь гошовъ,
Покорень будь во всемъ его капризной волѣ,
Доколь,
Онъ самъ себя не стоишь за порогъ.
И шакъ, да будешь приговоръ вашъ спрогъ,
Но разсудилелень! Вниманья
Причины удосшойше, коимъ я
Никакъ не могъ пропивинься, друзья!
Теперь исчезнушь можно: до свиданья!
(Исчезаетъ.)

Я В Л Е Н І Е 4.

(Ночь; лѣсъ; Кикимора сидитъ на деревѣ; Ижорскій
слѣдитъ волка, спрыляеть; пули мимо.)

В о л к ѣ.

Напрасный шрудъ! швой все пули,
Меня не пронувъ, мимо прожужжашъ.

И ж о р с к і й.

Ты шупишь или въ самомъ дѣлѣ, бранъ?

Вѣдь, кажешся, шѣ времена минули,

Когда медвѣдь, баранъ, лисица, волкъ и кошъ

Съ людьми всшупали въ разсуденья

И размышлялъ о просвѣщенъ крошъ

И дубу шпросшь чшпала поученья,
Ты волкъ, а говоришь, какъ человекъ!

А впрочемъ не дивлюсь: въ нашъ вѣкъ
Волками люди спали;
Такъ опъ чего жъ не бышь людьми волкамъ?

Волкъ.
Мудрецъ, примѣръ шы мудрецамъ!

Не знаю я, съ досады ли, съ печали,
А судишь здраво и умно:
Я по же думаль ужъ давно.

Былъ человекомъ я, да вошь: кривые шолки,
Пришворсшво, лицемѣрсшво, ложь
Меня взбѣсили наконецъ — и чшо жъ?

Людей я бросиль и — завербовался въ волки.
И жорскій.

Ты человекомъ? . . .
Волкъ.

Былъ. Но изъ любви одной
Ко благу ближнихъ, къ испинѣ свяшой
Спалъ волкомъ.

И жорскій.
Эшо какъ?

Волкъ.
Объ эшомъ послѣ. Ты же,
Какъ разсмошрю тебя поближе,
Сдаешся мнѣ, Ижорскій.

И жорскій.
Такъ.

Да шы кшо? говори, чудакъ!

Волкъ.
Узнай-ко!
Съ шобой я былъ знакомъ.

И ж о р с к і й.

Подумаешь должно Прокуроръ Хвашайко?

Вѣдь онъ и прозванъ былъ волкомъ.

Нѣтъ! — ну, Воровъ, Кваршальный Надзиратель!

Что жъ и не онъ? А! вошь я опгададь:

Фирюлинъ, Вѣспника Луны издашеть!

Не онъ ли всякаго, кому Создашеть

Хоть нѣсколько ума и дарованій дадь,

Лишь въ силу, лишь бы могъ, схватилъ бы и сожралъ?

Не онъ? не ужшо? пуськи, пріашеть!

Признайся, ты Фирюлинъ!

В о л к ъ.

Да, пональ!

Кто я? не скоро, вижу, опгадаешь:

Переѣмился я; и ты не шо, что былъ;

Бывало, ты хохочешь — вошь вздыхаешь;

Ты цвѣль, какъ маковъ цвѣшь — вошь блѣдень и уныль.

Влюблень ты, примѣчаю;

А какъ помочь тебѣ, повѣрь мнѣ, знаю.

И ж о р с к і й.

Помочь тебѣ? тебѣ?

В о л к ъ.

Тебѣ; и, видишь ли? Судьбѣ

Угодно, чтобы я помочь тебѣ.

И ж о р с к і й.

Да кто же ты?

В о л к ъ.

Какъ будшо въ эпомъ сила?

Ну, я не лъшій, не мершвецъ;

Не гнѣвайся, признаюсь, мой отецъ:

Я швой креспьянинъ, я — колдунъ Вавила.

И ж о р с к і й .

И ты, ты мне помочь готовишься, глупец!

В о л к ъ .

Вошь по-по, Господа, вы черезъ чуръ спѣсивы!

Кто лапши носишь и шулушь

И бороздишь сохою ваши нивы,

Всегда въ глазахъ Боярскихъ просишь и глупъ;

А между тѣмъ . . . Да что! молчи, Вавила!

Ты говоришь, а онъ

Руками рѣжешь воздухъ и воронъ

Съ кустовъ сгоняешь! . . .

И ж о р с к і й (про себя.)

Чтобъ меня любила,

Чтобъ о взаимности сама меня молила . . .

О! если бъ это бышь могло!

Нѣтъ! нѣтъ! я не воздалъ бы зломъ за зло!

Ахъ! при одной уже мечтѣ блаженной,

Что Лидією несравненной

Могу любимымъ бышь, что я

Могу сказаешь ей: » ты моя! «

Забыло все, обманъ, предательство, прищворство,

Все, что меня спрадацію обрело.

Такъ, сердце, не совсѣмъ еще ты черство,

Не вовсе мертво ты! — ты снова разцвѣло;

Къ ней изъ груди моей ты рвешься, къ незабвенной...

(Волку.)

Вавила, ты бѣднякъ презрѣнной,

Ты всѣми ненавидимъ и гонимъ;

Но если бы ты могъ — клянуся Имъ,

Что имя оба мы произнесши не смѣемъ!

Хотя бъ ты былъ злодѣемъ,

Черпѣйшимъ изъ людей — нѣшь, для себя
Не пожалѣлъ бы я и самаго себя! —

В о л к ъ.

Ты много общаешь, баринъ!
Надѣюсь, будешь благодаренъ.
Все сдѣлаю: награды жъ никакой
Я не желаю, кромѣ вошь какой:

Мнѣ годъ позволь прожить съ шобой.

И ж о р с к і й.

Со мною годъ прожить? — ты не Вавила!

В о л к ъ.

Еще разъ повшорю: какъ будно въ эшомъ сила?

Вавила? нѣшь ли? дай опвѣштъ:

Чшо? ты согласенъ или нѣшь?

Не бойся, я скучашъ тебѣ не спану:

Я знаю, вреденъ вашей браньи свѣшъ;

Ужъ вы привыкли къ сумраку, шуману.

Предвѣспникъ мой навязчивъ былъ и скоръ,

Проказничаль, молоть вчаспую вздоръ;

Я не шаковъ: повѣрь, молчашъ умъю;

Хошя бы видѣлъ, сломишь шею —

Какое дѣло мнѣ? я швой слуга, служу,

Молчу; а развѣ ужъ захочешъ, спросишь:

Тогда конечно правду всю скажу.

Повѣрь, меня полюбишь, самъ не бросишь!

Чшо? какъ? рѣшился ли?

И ж о р с к і й.

Рѣшился: на годъ швой.

В о л к ъ.

И шакъ, шеперь спупай домой;

А я — принаряжусь. Вошь видишь ли, любезный.

Я даже подписи не требую твоей;
Самъ видишь, демонъ я и скромный и полезный!

(Уходитъ *Ижорскій*; Волкъ превращается въ *Шишимору*; — *Кикимора* сходитъ съ дерева.)

К И К И М О Р А.

Шишимора! меня онъ обмануль злодѣй!

Ш И Ш И М О Р А.

Каковъ Вавила красноглазый?

За шушки прежнія, за прежнія проказы
Онъ, кажешься, шебъ исправно заплашилъ.

Ужъ гаснешъ блескъ предупреннихъ свѣшилъ,
Ужъ ранніе въ лѣсу проснулись звуки:
Ты жъ не исполнилъ приказанья Буки!

К И К И М О Р А.

Помилуй! что? *Ижорскій* вѣдь здоровъ.

Ш И Ш И М О Р А.

Ай, молодець! всегда отвѣшь гошовой!

Здоровъ, какъ могутъ люди быть здоровы:
(У нихъ-де вошь и все различье опъ скоповъ;

Что нѣтъ межъ нихъ несумасшедшихъ

И не было въ вѣкахъ прошедшихъ

И въ будущихъ не будешь: ужъ шаковъ

Весь родъ ихъ). Но каковъ

Теперь *Ижорскій* — ихъ на свѣщъ много

Судишь не будемъ слишкомъ строга:

Положимъ, онъ здоровъ;

Да намъ скажи, нашъ умникъ, нашъ запѣйникъ,
Что вылечилъ его? не я ли, вашъ дуракъ,

И вашей братаи забіякъ

Всегдашній мученикъ? И пакъ,

Пукъ розогъ, плешь, ошейникъ

Колодка или что подобное тому

Вась ожидаетъ, — видно по всему.

Я не злопамяшливъ, я добрый малой

И расскажу тебѣ, пожалуй,

Какъ я собой Вавилу подмѣнилъ.

Вавила, видишь, вышелъ отъ Богдана,

Я зналъ, что часъ его пробилъ

И подсперегъ его надъ рѣчкой у Кургана,

Едва онъ на доску — и доску я пихнулъ,

Упалъ онъ въ воду, крикнулъ, пошонулъ

А лѣсу здѣшняго Султанъ ревнивый, Гуль,

(Ты у него отбилъ двухъ или прехъ Русалокъ),

Что хочешь къ колдуну мнѣ между тѣмъ шепнулъ

Отъ всей души тебѣ желая палокъ, —

Не ради месши, для своего жъ добра, —

Я въ лрупъ вселился, спалъ Вавилой

И обманулъ тебя на перекресткѣ, милой!

Раздумай это все: а мнѣ ишлии пора.

(Уходитъ.)

К и к и м о р а (однѣ.)

И такъ, любезный другъ, чипашель или зришель,

Съ побою глазъ на глазъ

Мы видимся въ послѣдній разъ:

А шамъ за сценой мой сердитый повелишель!

И знашь не лзя, (сказалъ, бышь можешъ, правду плушь)

Меня и впрямъ порядкомъ отдерушь!

Когда же на тебя еще навель я скуку,

Тогда ужъ самому просишь придешься Буку,

Чтобъ онъ меня поспроже наказалъ.

Но если два — шри правды я сказалъ, —

Ихъ можешъ бышь еще не знаешъ всякій, —

Ты мнѣ просиши и шушовшво и враки

Для коихъ, самъ я чувствую, въ нашъ вѣкъ
Ужъ не довольно молодъ человекъ.

Иду; иному уснуваю духу:

Онъ будешь въ страхъ очамъ швоимъ,

Онъ будешь въ ужась слуху.

Но, чшобы ни свершилось имъ,

Все приготоовлено да не забудешь мною:

Я, помни, овладѣль Ижорскаго душою,

Я ненавись въ него излилъ

Къ людскому племени, въ немъ вѣру погасилъ

Въ невинность, истину и добродѣсель;

Вошь почему вина я и содѣсель,

Источникъ первый злодѣяній шъхъ

Которыя въ плачь преобразяшь швой смѣхъ

И прешный воздвигнешя швой волосъ —

И задрожилъ Поэша робкій голосъ

И скажешь онъ испуганнымъ друзьямъ

Безъ вѣры къ людямъ.

Ошверженнымъ принадлежимъ духамъ

И на земль чудовищами будемъ!

Конецъ первой части.

И Ж О Р С К І Й.

Ч А С Т Ь П.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Левъ Петровичъ Ижорскій.

Князь Пронскій.

Княжна Лидія.

Графиня Шепешилова.

Весновъ.

Кондрантъ Максимовичъ Ковалокъ,

Фалалей Кузмичъ Подпало,

Анисимъ Павловичъ Вѣснотчиковъ.

} Помѣщики, сосѣди Ижорскаго.

Чеспновъ, управитель Ижорскаго.

Спандіонный Смотритель.

Ашаманъ и при разбойника.

Слуги.

Духи и видѣнія.

Добрый Духъ.

Тифанія.

Аріель.

Бука.

Шишимора.

Кикимора.

Демонъ огня.

Знать и Самаандры.

Демонъ воздуха.

Демонъ моря.

Демонъ земли.

Заяць.

Дѣйствіе происходитъ большею частію въ помѣстьяхъ Ижорскаго и въ окрестностяхъ, кромѣ начала вѣсноваго акша, которое разыгрывается въ Петербургѣ и конца прешлаго, происходящаго въ Новороссійскихъ степяхъ и на берегу Чернаго моря.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Почтовой домъ на землѣ Ижорскаго. Вечерь. Слышеть колокольчикъ: пономъ входятъ Князь Пронскій, Лидія, Графиня и Смолришель).

Князь.

Скорѣе, лошадей!

СМОТРИТЕЛЬ.

Прошу покорно васъ!

Въ разгонѣ лошади: повременише съ часъ.

Князь.

Повременишь? и часъ? ниже одной минушъ!

Ужь эти мнѣ Смолришели! всѣ плушъ,
Разбойники.

СМОТРИТЕЛЬ.

Не обижайте насъ:

Я Офицеръ; чепыринадцатый классъ

Князь.

Четырнадцатый классъ! пусть будетъ хоть пятнадцатый.
А есть ли что поужинашь у васъ?

Смотритель.

Есть: окорокъ и пребогатый.

Князь.

Пожалуй окорокъ сюда!

(Князь садится; передъ нимъ спавяшь окорокъ и бушылку вина.)

Смотритель.

Хорошаго вина бушылка?

Князь.

Да?

Ты малой, вижу, хочь куда.

Смотритель.

У насъ всегда найдется что въ запасъ;

Не при одномъ живемъ при хлѣбѣ мы и квасѣ:

Не будь подь часъ хорошаго куска!

И насъ самихъ возьмешь, Сударь, поска.

Князь.

Ты говоришь умно и прямо мнѣ по сердцу.

Горчицы нѣтъ ли?

Смотритель (подаешь.)

Вось - сь.

Князь.

А перцу?

Смотритель.

Здѣсь.

Князь.

Почту держишь что?

Смотритель.

Помѣщикъ.

Князь.

А зовушь?

Смотритель.

Ижорскій.

Князь.

Левъ Пепровичъ!

Смотритель.

Опгадали - съ.

Князь.

Мы въ Петербургѣ часно съ нимъ видались:
Философъ онъ, чшобъ не сказашь мнѣ, шущъ.
Здѣсь какъ живешъ?

Смотритель.

Не выезжаешъ,

Сосѣдей никого не принимаешъ,
По цѣлымъ суникамъ запершъ, все одинъ;

Имънемъ править спаршй дворяншъ:

А вѣришъ ль? и онъ, чшо нужно, всѣ приказы
Находишъ письменно въ прихожей.

Князь.

Вошъ проказы.

Смотритель.

Такъ: онъ него

И слова не слыхалъ ни одного,

Съ его прїезда изъ столицы

Ни Камердинеръ, ни козакъ,

Ни поваръ.

Князь.

Даже поваръ? Небылицы!

Смотритель.

Повѣришъ слову чесшному.

Князь.

Чудакъ!

Л и д и я.

Il est intéressant, mon père.

К н я з ь.

Intéressant? il est timbré, ma chère.

Г р а ф и н я.

Intéressant ou bien timbré : toujours

C'est à vous qu'il le doit.

Л и д и я.

А moi?

Г р а ф и н я.

Ouï, mes amours.

Л и д и я.

Ah! Vous me tourmentez sans cesse.

Ne finirez Vous donc jamais, Comtesse?

Г р а ф и н я.

Finir? pourquoi?

Ce jeu me plait à moi.

К н я з ь.

Онъ, спало, никогда изъ дому не выходилъ?

С м о т р и т е л ь.

Выходилъ : по почамъ въ лѣсу сосѣднемъ бродилъ

съ ружьемъ ; а не видалъ еще никшо ,

Чшобъ изъ лѣсу принесъ хошь зайца.

К н я з ь.

Чшо ?

С м о т р и т е л ь.

Болшаюшь спарожилы,

Чшо шамъ нечисшья всегда водились силы

Я эшому не вѣрилъ ни чему . . .

(Въ Губернской я Гимназiи воспитанъ,

Живаль въ Орлѣ, въ Москвѣ, довольно и начишанъ,

Не суевѣрь); — по видно по всему . . .

Не даромъ, — вамъ скажашь короче,
Въ лѣсу проводилъ Левъ Пешровичъ ночи!
И шарика видали съ нимъ и . . .

Князь.

Вздорь!

Смотритель.

Вы жъ слышали: я самъ не вѣрилъ по сихъ поръ,
Но . . .

Князь.

Я жъ скажу тебѣ безъ прибаутокъ;
Шарикъ знакомъ мнѣ; онъ Ижорскаго дуракъ.

Смотритель.

Нѣтъ, ошибаешься не какъ:

Ижорскому, ну право, не до шутокъ.

Онъ шакъ унылъ, шакъ блѣденъ, шакъ изсохъ,

Что самый лучший скоморохъ

Бѣдняжку разсмѣшилъ, ей Богу, не успѣешь!

Онъ шаешь, исчезаешь, плѣешь

И скоро мы его

Связемъ и барышня блѣднѣешь!

Помилуйте, что съ вами?

Лидія.

Ничего . . .

Кружился голова — съ дороги. —

Князь.

Mon Dieu! себя не держашь ноги!

Ма піесе, подайте руку ей.

Смотритель.

Пожалуйте къ женѣ моей:

Тамъ можете раздѣться; отдохните.

Князь.

Графиня, отъ нее, прошу, не отходите.

(Выходящъ Лидія и Графиня, за ними Смотритель.)

К и я з ь (одинъ, не вставая изъ за стола.)

Ужъ эти женщины! чудесницы, ей, ей!

Вдругъ въ обморокъ . . . съ чего? прошу покорно!
Съ дороги? — можешь бышь. Но ихъ причудь, запей
Не перечесть и лучшей грамошъй:

Вдругъ вздумаюшь и — ангеломъ злодѣй!

Вдругъ закричаешь: ужасно, гнусно, черно!

Вдругъ то же самое прекраснымъ назовушь! —

Ижорскій? вѣдь Амуръ проказникъ, плушь:

Бышь можешь, именно опъездъ его не ждали;

Къ тому жъ, (какъ намъ Кузины рассказали)

Горячка, бышенство, заимѣние ума,

Примѣши романтической печали

А сверхъ того, кто знаешь? и сама

Къ нему и передъ тѣмъ сильнѣе привязалась,

Чѣмъ мнѣ поспѣси признавалась

Какъ бы то ни было, душой я былъ бы радъ,

Когда бъ Господь послалъ мнѣ въ эпномъ зяпѣ кладъ.

Богацство, говоряшь, и вздоръ и предразсудокъ,

Но вѣрше мнѣ, не вздоръ пусшой желудокъ;

И чешью увѣряю васъ,

Когда вошь помянулъ про хлѣбъ одинъ и квасъ,

По жиламъ пробѣжалъ мнѣ вдругъ огонь и холодъ,

И былъ я сыпъ еще, а чувшвовалъ ужъ голодъ!

Взяпъ домъ мой за долги въ казну,

Въ опеку ошдано имѣние;

Въ деревню ѣду: скука и мученье!

Теперь досугъ мнѣ будешь: на луну

Смопрѣшь и сочиняшь эклоги.

И починаешь дороги

И книгу написаешь, хошь жишье мое

И всѣхъ спарухъ и спариковъ сосѣдства

Прилежно слушать мудрое вранье
И къ улучшенью паствь искашь въ газетахъ средства
И Пешербургъ бранишь и славить шишину,
Невинность и коровъ! — Какая перспектива!
Деревня для меня Японія и Хива
И хуже, чѣмъ Сибирь! — Забудусь - ко, засну.
(Засыпаешь.)

Я В Л Е Н І Е 2.

(Передъ почповымъ домомъ; глубокая ночь.)

Ш и ш и м о р а.

Темноша, шишина:
Закашмлась луна,
Помершвѣла природа
Тихо звѣзды горятъ,
Блѣдно звѣзды блестятъ
Средь небеснаго свода.

* * *

Демонъ, Демонъ огня!
Ты послушай меня,
Смертныхъ ужась и кара!
Ты явись предо мной,
Окруженный грозой,
Въ бурь, въ воѣ пожара!

Демонъ огня (двляется.)
Вихремъ мчишь меня огонь,
Мой репивый, добрый конь;

Раздается прусь и грохотъ, —
Эпо мой веселый хохотъ;
Слышите ли глушающій прескъ?
Вопъ моихъ ладоней плескъ!

* * *

Я мирно покоился въ швердомъ крембъ,
Лежалъ беззаботный подъ насыпомъ Лавы:
Вдругъ зовъ швой могущій послышался мнѣ, —
И вопъ я воспаль, роковой и кровавый!
Чего шы желаетъ, скажи, опъ меня?
Чего шы желаетъ? я Демонъ огня.

Ш и ш и м о р а.

Воспали пожаромъ
Эпомъ спящій домъ;
Гибельнымъ ударомъ,
Яроснымъ крыломъ,
Предсылая дымъ и спрахъ,
Обрати его во прахъ?
Д е м о н ъ о г н я .
Вы, Саламандры, мнѣ внимайте,
Услышите мой владычный гласъ;
Предспаньте: призываю васъ;
Предспанте, поспышите!
С а л а м а н д р ы (вспыхивающъ изъ подъ земли.)
О Царь! шы призываешъ насъ;
Мы слышимъ швой владычный гласъ:
Что намъ прикажешь, нашъ власпитель?
Разрушимъ чью велишь обипель?
Д е м о н ъ о г н я .
Опвалили съ бездны камень,
Зачерпите въ безднѣ пламень,

Въ пьмѣ зажгиге яркій свѣтъ: ^{Помѣте}
Будь сей домъ въ огонь одѣтъ! ^{Вдохните}
Саламандры, ^{и вы}
Быль сей домъ — заупра нѣтъ!

* * *

Скорѣ, скорѣ ^{и вы}
За дѣло, за дѣло!
Дружнѣ, живѣ!
Чшобъ дѣло кипѣло!

З н и ч ь.

Ты жги; ты свѣши; ты махай, а ты дуй;
Ты пламенный покъ и мѣшай и волнуй;
Ты, брагъ, завивай среди рдной пучины;
Яжъ въперъ ревущій воздвигну съ равнины.

И въ полымя грянется радосненъ, яръ.

И къ шучамъ подышешъ блестящій пожаръ.

Саламандры, ^{и вы}

Дружнѣ!

Живѣ!

Чшобъ дѣло ^{и вы}

Кипѣло!

З н и ч ь.

Чшобъ домъ въ океанъ горящемъ исчезъ;

Чшобъ наше по воздуху взвилося знамя,

Багровое, шумное, жадное пламя

До звѣздъ полуночныхъ, до самыхъ небесъ!

Саламандры.

Скорѣ и пр.

Ш и ш и м о р а.

Одинъ кряхшишь, другой надулся, будшо мѣхъ;

Сверкающъ въ черной пьмѣ чудовищныя лица,

Какъ съ наковальни жаръ, какъ быспрая зарница . . .

Попѣха! смѣхъ!
Работайте: пора! къ Ижорскому опправлюсь,
Надъ спрахомъ гордаго безумца позабавлюсь.

Я В Л Е Н І Е 3.

(Ижорскій въ своей комнапъ одинъ; входитъ Шпшмор.)

И Ж О Р С К І Й.

Что?

Ш И Ш И М О Р А.

Ничего.

И Ж О Р С К І Й (помолчавъ.)

Что я любимъ,

Ты мнѣ клянешься и не лицемеришь?

Ш И Ш И М О Р А.

Когда поверишь

Глазамъ своимъ

Сегодня изъ разныхъ обспоятельствъ

Довольно выведешь и сильныхъ доказательствъ,

Что ты любимъ.

И Ж О Р С К І Й.

Еще сегодня! какъ?

Княжна съ опцемъ въ сполницѣ

Ш И Ш И М О Р А.

Какъ не шакъ!

Графиня и Княжна съ опцемъ брюханомъ

Ночуютъ у шеда въ деревнѣ.

И Ж О Р С К І Й.

Что ты? здѣсь!

Ш и ш и м о р а .

На почтѣ Князь заснулъ на креслахъ за спаканомъ.

А дочь ты на еяль мнѣ жаловался спѣсь ?

Про Льва Пешровича рассказывалъ Смошришель ;

Подѣйствовали на Княжну слова :

Вдругъ дурно , — закружилась голова . . .

(Хорошій вѣрно былъ Рипорики учишель

Въ Гимназіи Губернской !) вопшь она

Теперь , лишенная упшѣхъ , надежды , сна

Въ свѣтелкѣ по шебѣ , по миломъ спонешѣ , плачешѣ .

И сердце у тебѣ опшь радости не скачешѣ ? —

И ж о р с к і й .

Здѣсь Лидія , въ двухъ опшь меня шагахъ .

И съ нею я не свижусь ахъ !

Ш и ш и м о р а .

Не свидишься ?

И ж о р с к і й .

Не свижусь : передь нею ,

Нѣшь , не унижусь ! Если бы и рай

За шо мнѣ былъ наградой , не счишай .

Она меня игрушкою своею !

Ш и ш и м о р а .

И ты рѣшился ?

И ж о р с к і й .

Да .

Ш и ш и м о р а .

Ну , яжь о ней сожалѣю :

Сгорилъ бѣдняжка .

И ж о р с к і й .

Лидія сгорилъ ?

Ш и ш и м о р а .

И безъ метафоры ; нѣшь , проспо , въ самомъ дѣлѣ .

Должно бышь видно и опселя . . . (Смошришь въ окно.)
Такъ почно: вошь блеснишь
Тебѣ любезнѣйшему другу
По мѣрѣ данныхъ мнѣ способностей и силъ,
Я было вздумалъ, оказашъ услугу:
На почшѣ я пожарецъ разложилъ;
Хошѣлъ, чшобъ ты предспалъ ей, какъ спасишь,
Чшобъ вынесъ героично изъ огня . . .
Оспавимъ: пусшь горить! Успалъ я; вы поспише - ль?
Покой бы жуень былъ и для меня.

И ж о р с к і й.

Будь прокляшь ты! — Пожаръ! эй, люди! эй, коня!
(Входяшь слуги.)

Скорѣй на почшу! — Почна запылала!
Коней! — чшобъ вы издохли! мнѣ коня!
На почшу — говорю, — всё съ велика до мама!

Пріѣзжіе . . . спасише ихъ!

Коня! коня! — не спало силъ моихъ!

С л у г и (вбѣгая и выбѣгая.)

Пожаръ! пожаръ! на почшу!

Одинъ изъ нихъ.

Лошадь, баринъ,
Гопова.

И ж о р с к і й.

Благодаренъ!

За мной! пуда, пуда!

(Выбѣгаешъ; попомъ слышенъ конскій попопъ.)

Ш и ш и м о р а.

Умора! шумъ какой! какал суепа!

(Уходяшь.)

Я В Л Е Н И Е 4.

(Передъ почтою ; почтовой домъ пылаешь : народъ толпился. — Впереди видны Графиня , Смотритель , жена его, спасенные ; Шишимора : потомъ являешя Ижорскій съ Княземъ, котораго выносишь изъ пожара)

К н я з ь .

Тфу! было мнѣ тепло: боюся,
Не распорился ли — жирненокъ — мой живошь!
Безъ дальныхъ, безъ заботъ
Чуть не изжарили меня, какъ гуся.
Ну; Левъ Пешровичъ, хватай! скажешь, что молодець!
Спасибо! выручил! родной ты мнѣ ошець!
Дымъ! пламя! я кричу; горюшь, пылаешь;
Ужъ жаромъ духъ мой занимаешь:
Вдругъ Левъ Пешровичъ прилетѣлъ
И вынесъ на плечахъ меня изъ ада.

Ш и ш и м о р а (въ полголоса.)

Какъ не сломила плечъ подобная громада?

К н я з ь .

Спасибо! я здоровъ и цѣлъ.

И ж о р с к і й .

Отъ благодарности избавьше,
Князь; пуспословіе оставьше! . .

Гдѣ? гдѣ Княжна?

К н я з ь .

Княжна?

Еще не спасена?

Такъ, братецъ, зналъ я, что меня ты любишь;
А чтобы предпочелъ меня Княжиѣ
Не думалъ я — и очень лестно мнѣ!

Часть II.

И ж о р с к і й.

Безумный! и опець! себя, несчастный, губишь!
Княжна гдѣ? знаешь ли, кто я?
Княжна гдѣ? или — (вошь рука моя!)
Тебя, негодную и мерзоспную пошу,
Въ пожаръ, въ кошоромъ былъ пы, снова брошу!

К н я з ь.

Да не сердись! ее я вижу; памъ она!
(Показываетъ на окно, у кошораго является Лидія.)

И ж о р с к і й.

Огнемъ и смершію окружена,
Изъ верхняго жилья, моля, просперла руки; —
Рвешь сердце вопль ея, ея спенаній звуки!
На помощь, духи пымы! вамъ душу отдаю:
Ее спасите, Лидію мою
Спасите! (Бросается въ огонь.)

Г р а ф и н я.

Грудь онь ужаса не дышишь:
Густое полымя ему на вспрѣчу пышишь
И лижешь жаднымъ языкомъ
Пылающій со всюду домъ;
Пропаль, — явился вновь; обоихъ ихъ не спало,
Ихъ не видашь; — запыло сердце, вошь; —
Такъ почно, онь! Онь снова у ворошь!
Увы! огнемъ всѣ вороша объяло!
Онь держишь Лидію безъ чувства на рукахъ,
Онь медлишь, епанчей ее закушалъ ахъ!
Онь ринулся . . .
(Лышается чувствъ; Ижорскій выноситъ Лидію.)

К н я з ь.

Ма піесе, вы въ обморокъ упали

Напрасно : живы , спасены !
И даже волоса не сожжены
У Лидиньки : шакъ бросьше же печали !

Я В Л Е Н І Е 5.

(Садъ Ижорскаго. Входишь Кикимора ,

К и к и м о р а .

Здорово , милый мой раекъ !
Здорово , другъ Паршеръ ! мое почтенъе креслы !
Безъ васъ наскучило : препоясалъ я чреслы ,
Взялъ посохъ и суму ; шель , шель , все на воспокъ —
И наконецъ прибрѣлъ на эши доски .
»А для чего ? « кричишь Фирюлинъ , мой Зоилъ :
»И прежде ты довольно насъ бѣсилъ ;
»Твои всѣ шушочки шакъ глупы и шакъ плоски !
И я душой былъ радъ , когда ты объявилъ ,
Что , къ прекращенью нашей муки ,
Здѣсь съ нами глазъ на глазъ
Ты видишься въ послѣдній разъ
И что жъ ? опяшь ты здѣсь ! гдѣ жъ плеть и палка Буки ? «
Трофимъ Михайловичъ , не шоропнись бншь ;
Позвольте напередъ вамъ доложншь :
Бѣсенокъ я , а сошворенъ для дружбы ;
Для ней ни опъ какой не опкажуся службы .
Есть другъ и у меня , предобрый человекъ ,
Пречестная душа — писатель ;
И вошь пришелъ ко мнѣ и говоришь : »прятель ,
»Премникъ пвой не по , что ты ; онъ ввѣкъ

»Со сцены съ публикой не вспунишь въ разговоры.

»Къ тому жъ угрюмые, косые взоры,

»Его коварный, злобный нравъ

»Ну, право, созданы не для забавъ!

»А, брашъ, необходимъ съ паршеромъ мнѣ посредникъ,

»Веселый, умный собесѣдникъ,

»Который бы подъ часъ, какъ Шекеспировъ хоръ,

»Имъ пояснялъ мой вздоръ.»

И ну просишь и лестными словами

Превозносишь меня. хвалишь мой умъ, мой даръ!

Что жъ? просьбы и хвалы, — вы вѣдаете сами, —

Хошь въ комъ, а породяшь усердіе и жаръ;

Я къ Буки; Бука молвилъ; »опускаю;«

И вопъ я здѣсь и въ должностъ я вспунаю! —

* * *

Не такъ ли, Господа, вы видѣли пожаръ?

Лихая, говоряшь, шущъ заварилась каша!

Ижорскій спасъ Княжну. Что жъ? героиня наша

Занемогла; къ тому жъ погода, грязь

У Льва Пешровича оспался въ домѣ Князь.

Прошло недѣли съ двѣ: Княжна съ поштели вспала,

Но, благодарности полна,

Любовію занемогла Княжна.

И прежде, говоряшь, шайкомъ пылала,

(Дѣйствителенъ же былъ Вавилинъ наговоръ!)

Теперь же и шайшь любви не спала:

Обрадовался Князь и — сладилъ въ мигъ сговоръ

Однако жъ кланяется хоръ:

Женихъ! пожалуй, стонишь съ мѣста!

Чай, нашихъ прежнихъ шашней не забыть;

Да и сердишь: смоприше, какъ уныль!

За то ужъ какъ мила, какъ хороша невѣста!

(Уходящъ; входящъ Ижорскій и Шишимора.)

И ж о р с к і й.

Любимъ я, счастливь! счастливь? я? да что жъ
(указывая на грудь.)

Здѣсь адъ мой шепчешь! — клевета и ложь!

Но пусть обманомъ я прельщаюсь снова,

Хочу обману вѣрять . . . Такъ! ни слова!

А чернѣй, злобнѣй демонъ не молчишь;

Онъ въ безднѣ сердца все одно швердишь.

Любимъ! вопросъ: а я любить могу ли?

На вѣки дни минувшіе минулись;

Все выскажу: ея я не люблю;

Я чувствѣ вчерашнихъ ужъ обрѣсь не въ силахъ.

Не спужу-ль скуки я при ней шерплю?

Огонь мгновенный вспыхнулъ на могилахъ

Моихъ исплѣвшихъ ощущеній: я

Считалъ огонь сей свѣтомъ оживленья

Опъ одного погасъ онъ душенья

И въ прежней, холодной тмѣ душа моя!

Чтобы любить ее, свою природу

Я побѣдишь бы долженъ; съ жорнемъ вонъ

Всю ненависть къ ея испоргнушь роду

Предательскому, — къ людямъ: а мнѣ онъ

Такъ мерзокъ, какъ шпрану сумасброду,

Который — мысль не глупая! — скорбѣлъ,

Что не одна дана и та же шея

Всѣмъ эшимъ шмамъ и шмамъ бездушныхъ шѣлъ;

Вдругъ, разомъ . . . да! Желаніе злодѣя

Поняшно мнѣ. И я, въ груди моей

Ко всѣмъ къ нимъ ужась, ненависть лелѣя

Я соглашусь для одной, для ней

На подлюю, безумную измѣну
Суровой правдѣ, самому себѣ?
Вовѣки унизительному плѣну
Ужъ не подвергнуся . . . Хвала судьбѣ!
Нельзя. Но если бѣ даже, яль забуду,
Какъ эпа Лидія играла мной?
Кто? я, овечьей одаренъ душой?
Нѣтъ! пусть она пренецетъ: шигромъ буду!
Такъ! Но чего ищю, найду ль у ней?
Быть можешъ, ужъ давно жокей, лакей,
Или Вѣпренець, шупъ презръный,
Или молокосоць, дичя — Весновъ,
Или Жеманскій, геній несравненный
О! всѣхъ ихъ я бы расперзашъ гошовъ!
Пускай! — по крайней мѣрѣ на колъняхъ
Ее хочу я видѣть предъ собой,
Роскошспивовашъ въ ея рыданьяхъ, пѣняхъ,
Чтобы, обьяша смершною поской,
Стеня, ко мнѣ подъяла гласъ безумный,
Меня молила о любви: а я, . . .
(Не ею ль жизнь оправлена моя?)
Взгляну я — и воздвигну хохошь шумный!
Ты скажешъ что?

Ш и ш и м о р а .

Я поздравляю васъ,
По чеспи, Левъ Пешровичъ, поздравляю:
Вы понабрались кой чего у насъ;
Васъ, сударь, уважать я начинаю.
Положимъ, пы по слабости своей
И не совсемъ еще достигъ чершей;
А, право, хороши свои успѣхи;
Ты ужъ почши опередилъ людей.

Ну, продолжай! Для адской пы пощѣхи
Созрѣешь, можешь бышь: надежда ешь —
И шо не малая, повѣрь мнѣ, честь,
Когда споль рухлое, какъ ты, созданье
За нами слѣдуешь, хопь сдалека.
Одно прошивно мнѣ: швоя шоска
И шо, что слишкомъ въ вялое мечпанье
Вдаешься Нѣшь, живи-ко. брашь, слегка,
Безъ эшихъ глупыхъ, пляжкихъ размышлений,
Чтобы подь чась не дрогла и рука;
Не слушай предразсудковъ и сомнѣній:
Шаршавяшь жизнь и шолько! А къ чему?
Все дѣлай по желанью своему
И ты первостепенный будешь Геній!

(Входишь Лидія.)

Л и д і я.

Не помѣшала ли я вамъ?

И ж о р с к і й.

Княжна, васъ посѣпишь я собирался самъ:

Поговоришь мнѣ должно съ вами.

Л и д і я.

Поговорить? вы правы: между нами

О многомъ должно бы поговоить.

Такъ, передъ вами я во многомъ виновата:

Счишаю васъ за друга и за брата;

Для васъ хочу свою всю душу обнажить.

И ж о р с к і й.

Позвольте . . . (Шишиморъ) — Ты иди и чтобы

намъ не мѣшали!

(Уходишь Шишимора.)

Л и д і я.

Я много причинила вамъ печали,

Мой другъ! и вспомнишь шакъ спыжусь. Но нѣтъ:
Пусть вы узнаете, пусть слышите цѣлый свѣтъ!
Какъ грѣшникъ, исповѣдавъ пресупленья,
Надѣшся опъ Бога оппущенья.

Такъ, исповѣдавъ все мои вины,

И я надѣюсь: будушь прощены.

Топъ, съ кѣмъ я говорю, не мой ли избавишель,
Который жизнью мнѣ жершвоваль? Къ пому жъ
Не благородный ли, великодушный мужъ?

Узнашь хоппше ль,

Ижорскій, какъ могла дойти я до того,

Что самымъ лучшимъ, самымъ высшимъ чувспвомъ

Играла? что съ предашельскимъ искусствомъ,

Боль, муку душъ себя вмѣняя въ шоржештво,

Сама и холодна и съ безмяшежной кровью,

Шушила, забавлялася любовью?

Бсгъ даль мнѣ добродѣтельную машь:

Она меня съ какимъ спараніемъ роспила,

Какъ силдлася свою мнѣ душу передашъ?

Мнѣ было десять лѣшь . . . ее взяла могила . . .

Опець мой . . . больно сердцу моему . . .

Его вы знаете: не вамъ однимъ; всему

Извѣсшень свѣшу онъ . . . онъ былъ мой вопишатель.

Но защишилъ меня Создашель

И вѣрно, матери Святая шънь

Меня хранила ночь и день

Меня, какъ ангель Божій, сберегала:

Я правила его, содрогшись, опшвергала;

Былъ долго не внимателень и глухъ

Къ его ученію испуганный мой слухъ;

Успѣлъ онъ не во всешь, увы! успѣлъ во многомъ.

Онъ сердце мнѣ шщеславьемъ оправиль,

Онъ блескомъ суепы мнѣ взоры ослѣпилъ.
Единственнѣмъ своимъ и счастьемъ и Богомъ

Считаешь я спала эпопѣ блескъ.

Куда ни покажусь , вездѣ встрѣчаю плескъ ,

Воспоргъ и поржество и восхищенье ,

Съ начала эпо все рождало упоенье ,

Попомъ наскучило : безумная полна

Моихъ поклонниковъ казалась такъ глупа ,

Казалась такъ мертва , что спала въ омерзенье.

Явились вы : вы были исключенье ;

Мое щещеславье пробудилось вновь :

Но я наказана ; опомщена любовь.

И ж о р с к і й .

Вы , Лидія , меня , прошу васъ , извините :

Вы не къ шому привыкли , что шеперь

Услышите . Не знаю

Л и д і я .

Говорите ;

Все , все мнѣ выскажи , мой другъ , и вѣрь ,

Хотя бы рѣчь швоя была сурова ,

Копя бы ты мнѣ сердце расперзалъ ,

Хотя бы въ каждомъ звукѣ былъ кинжалъ ,

Все опъ шебя я выслушанъ гошова !

И ж о р с к і й .

И такъ ! . . . судьбой учишель былъ мнѣ данъ
Жестокій , опытъ , вождь безжалосшншй , но вѣршій :

Онъ весь мой пушь одѣлъ въ волчець и шерны ,

Онъ много мнѣ нанесъ спраданиа и ранъ ;

Но предо мной разсыямъ заблужденья

И продалъ правду мнѣ , — безъ спору за мученья ,

Все жъ правду . Съ шой поры исчезли всѣ мечшы ,

Спаль съ глазъ покровъ бывалой слѣпошы

И сновидѣньями я назвалъ сновидѣнья:
Увидѣль я людей въ ихъ гнусной нагошѣ,
Изгибы душъ бездонныхъ разгадалъ я,
Зажегъ свѣщильникъ въ ихъ ужасной темнотѣ,
Всю злобу, все коварство ихъ позналъ я.
Меня вы любите? вы говорите шакъ . . .
Желалъ бы вѣрнѣе я, но не могу: не вѣрю.
Гдѣ доказательства? и чѣмъ измѣрю
Сю любовь? мнѣ ненавистнѣе мракъ:
Съ словами сердце не всегда согласно;
Хочу, чшобъ для меня свѣшло все было, ясно.

Л и д и я.

Несчастный, бѣдный другъ! что, что скажу тебѣ?
Не оскорбляюсь, нѣтъ: душою я болѣю.
Ахъ! не желала бы и злѣйшему злодѣю
Съ побой равняться въ шягоспной судьбѣ,
Какого спрашнаго въ себѣ ты кормишь змѣя!
Желаешь доказательствъ: но какія,
Скажи мнѣ, доказательства сильнѣе.
Тѣхъ, что сквозь слезы изъ моихъ очей
Блестяшъ перерь? шѣхъ, что изъ каждаго движенья,
Изъ звука словъ моихъ самъ можешь почерпнуть?
Какъ вѣру видишь въ швою невѣрающую грудь?
Какъ одолѣшь швой упорныя сомнѣнья?
И если ты не убежденъ
Всѣмъ шѣмъ, что видишь, всѣмъ, что слышишь, —
Что жъ убѣдишь себя? — Тобой мой духъ плененъ,
Въ моемъ дыханьи каждомъ дышишь
Ты, ты одинъ; шакъ, ты одинъ
Моихъ всѣхъ чувствъ и мыслей властелинъ;
Да! изъ малѣйшихъ даже обшоятельствъ
Ты могъ бы видѣшь, какъ люблю тебя,

Могъ видѣшь, что тебѣ весь міръ я и себя
Охотно бѣ опдала . . . Какихъ же доказательствъ,
Жестокій, пребуешь еще? — Но ишь: скажи!

Не упрекаю, — прикажи!

Какія бѣ ни были, я напередъ согласна;
На всё рѣшаюсь; радостна, безгласна,
Всѣ жершвы принесу.

И ж о р с к і й.

Одной желаю; но

Л и д і я.

Какой? располагай мою жизнью, мною!
О! какъ я счастлива: я къ швоему покою
Могу содѣйствовать! . . .

И ж о р с к і й.

Такъ, Лидія: одно

Мнѣ нужно доказательство. — Съ шобою
Я обрученъ; моею бышь женою
Ты не противишься . . . Я честный человекъ;
Я слова своего не нарушалъ во вѣкъ

Еще скажу: одно доверье

Доверье можешь породить во мнѣ.

И вопшь вопросъ мой вамъ, Сіапельной Княжнѣ:

Вы въ силахъ ли презрѣшь высокомерье,
Спѣсь рода своего, молву и санъ опца?

Принадлежашь мнѣ до вѣнца

Вы въ силахъ ли?.. Молчишь, блѣднѣешь... Слушай: кто я?

Цѣною счастья и покоя,

Опъ роковыхъ опъ грозныхъ силъ

Драгой цѣною я купилъ

Единшвенный мой даръ: сей даръ свобода.

Не свящы для меня ни одного народа

Обычьи; предразсудки, бредъ.

Единый мой законъ, единый Богъ — природа.

И мнѣ подобна бышь должна

Та мощная, опважная жена,

Которая подашь не содрогнешя руку

Мнѣ на всю жизнь: со мной сопряжена,

Должна держать на скорбь; на смерть, на муку,

Должна встрѣчать съ возвышеннымъ челомъ

То даже, что зовеше вы спыдомъ.

Но разъ еще тебѣ я повшорю:

Я честный человекъ,

Я слова данного не нарушалъ вовѣкъ;

И кляшвенно тебѣ я обещаю:

Когда сама по жершвѣ шой

Захочешь бышь моей обвѣчанной женой,

Тогда швою исполню волю

И пусть обрядъ

Соединишь, какъ самъ умѣешь, нашу долю.

Л и д и я.

О Боже праведный! онъ боленъ, онъ больный

Спокращь, чѣмъ думала я въ прошомѣ своей!

Ижорскій! что, о! что мнѣ предлагаешь?

Своей ли собшвенной погибели желаешь?

А мнѣ въ ужасномъ лучше бы огнѣ,

Въ пучинѣ пламенной, неизбежимой

Исплѣшь, исчезнуть было мнѣ!

Ты для того ли спась меня, неуспрашшмой,

Чтобъ спала я тебѣ безспрашшному въ боязнѣ?

Чтобъ шы, спасишель мой, обрѣлъ въ спасенной казнѣ?

Внемли: шы ужъ шеперь расперзаць подозрѣнемъ;

Не сомнѣваюсь въ словѣ я швоемъ:

На мнѣ шы женишься: но что? всегда, во всемъ,

Увѣренный моимъ паденьемъ,

Что снова пасть могу, — во всемъ пы ложь, обманъ
Увидишь, расправишь всѣ язвы прежнихъ ранъ,

Къ намъ новыя, ужасныя прибавишь

И спрашнымъ бременемъ меня, себя подавишь.

Меня? не мысли о себѣ:

Я силою непоспужимой,

Таинственной, неодолимой

Привлечена къ тебѣ

Нѣтъ! объ одной швоей я думаю судьбѣ:

О! сжался надъ собою;

О! да остануся доспойною тебя;

Меня губя,

Души моей любимецъ, пы со мною

Не погуби себя!

И ж о р с к і й (въ сторону.)

Еще она, клянусь, и бездну одолѣешь!

Клянусь, меня едва

Не сбили чистый взоръ и мощныя слова.

Нѣтъ! нѣтъ! всё это вздоръ, припворство! — не успѣешь!

(Громко.)

Княжна, въ послѣдній разъ

Я спрашиваю васъ:

Согласны ли принять мое вы предложеніе?

Нѣтъ? — такъ покиньте же мое удиненіе,

Меня оставьте одного;

Чтобы, какъ прежде, мнѣ людей не видѣть,

Опречья на всегда опъ міра, опъ всего

И безъ изьяшья всѣхъ васъ ненавиждѣть!

(Идетъ; Лидія удерживаетъ его.)

Л и д і я.

Ижорскій! Боже мой! согласна . . . я шволя!

И ж о р с к і й.

Теперь себя своею я счисляю,
Теперь ты истинно моя.
Въ бесѣдкѣ . . . въ полночь . . . ожидаю.
(Уходишь.)

Л и д і я (Одна.)

Не сплю ли я? не въ мрачномъ ли бреду
Меня пугаюшь дикія видѣнья?
Что я сказала? помощь гдѣ найду?
Къ кому воздвигну споны и моленья?
Увы мнѣ! сердце съ сердцемъ не въ ладу:
Опъ неба ль, опъ чудесь мнѣ ждашь спасенья?
Весь мой обзоръ могильной мглой одѣшь:
Пошухъ опрадный, пушеводный свѣшь.

* * *

Сурово бренное свое созданье,
Сурово наказаль меня мой Богъ:
Кому и жизнь и каждое дыханье,
Всѣ чувства посвяшила я, онъ могъ
Обречь меня на срамъ и поруганье?
Безмершнѣй! ты непоспизимъ и спрогъ:
Что смершнаго, какъ Бога, я любила,
За шо меня Твоя караешь сила.

* * *

О дочери молися, мать моя!
Ты, коей глазъ любезный и священной
Съ младенчества злашаго помню я!
Ко слабой мнѣ, со всюду утѣсенной
Изъ рая пущь проспирешя длань шволя:
Или къ своей обилии блаженной

Восхишь меня: поспыль мнѣ мѣръ земной;
Покоя жажду спраждущей душой . . .

* * *

Покоя жажду . . . ахъ! по очарованъ
Всесильнымъ обояніемъ мой духъ:
Къ нему привязанъ, связанъ съ нимъ и скованъ;
Къ погибели спремился слѣпъ и глухъ
Спрадалецъ! нѣпъ, онъ счастьемъ не балованъ:
Вездѣ вспрѣчалъ и взоръ его и слухъ
Предательство; онъ горькую судьбину
Быль долженъ пишь . . . и я его покину?

* * *

Я? никогда! ему я докажу,
Что въ мѣръ есть еще любовь прямая;
Что суешой и я не дорожу;
Пусть судишь и гласишь полна слѣпая;
Ты подвигъ мой благослови, Свяшая!
Такъ, устою, всѣ бури опражу:
Но въ шемной, мершвой — жизненной пуспныѣ
Я буду ангеломъ его опнынѣ.

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Все рѣшено. Нѣпъ Лиди: она
Для мѣра, для родныхъ погребена;
Опнынѣ опрокомъ да будешь дѣва:
Рабомъ да будешь гордая Княжна;
И рабъ судебъ не убоишься гнѣва,
И опроку не будешь смершь спрашна,
Съ весельемъ онъ сразишься съ нищетою:
Онъ укрѣпленъ Любовью роковою.
Но кто жъ ведешь меня въ унылый домъ,
Гдѣ нынѣ вновь Ижорскій одинокой,

Съ ужаснымъ , всѣхъ пугающимъ челою ,
Снѣдаемый змѣей , мечпою жеспокой ,
Какъ первый , Богомъ мучимый злодѣй ,
Какъ Каинъ , опречется опъ людей ?

Къ нему какъ волны , ко скаль кремнистой
Толпа шекла изъ города всего ;
Но шолько юному съ душою чиспой
Изъ всей толпы Ижорскій одного
Вспрѣчалъ , когда-шо взоромъ не суровымъ ;
И душу за Ижорскаго Весновъ
Быль въ эшо время положишь гошовъ .
И я — я не безъ власпи надъ Весновымъ :
Свой первый пламень посвящилъ онъ мнѣ ;
Меня любилъ онъ въ робкой пищинѣ .
Вошь вѣрный , вошь усердный мой союзникъ !
Къ нему , въ сполицу , не перья словъ !
Такъ , имъ и мной нашъ драгоцѣнный узникъ
Воздвигнешя изъ адовыхъ оковъ .

(Поспѣшно уходишь .)

(Смерклося ; вечерняя заря освѣшила садъ багрянымъ
мерцаиємъ : нѣскольго музыкальныхъ аккордовъ , по-
шомъ являюшя Тишанія и Ариель .)

Т и т а н и я .

Сильфъ , гдѣ былъ ты , гдѣ порхалъ ?

А р и е л ь .

Медъ съ цвѣшовъ я собиралъ ,
Омывался я росою .

Т и т а н и я .

Сильфъ , безсиленъ ты и малъ ;
Но судьбы благой рукою
Быспрошой ты надѣленъ ,
Надѣленъ умомъ проворнымъ :

Нынѣ мнѣ явись покорнымъ ;
Много будешь награжденъ.

А р и е л ь .

Бышь пвоимъ слугой не мнѣ ль ?
Вѣчный рабъ твой Аrieль :
Съ ранней , сладоспной денницы
До возврата вѣщихъ сновъ ,
Я вельня Царицы
Всюду совершаешь годовъ.

Т и т а н я .

Въ пущь же , Сильфъ , скорѣ въ пущь !
Ходи на сѣверъ просширая ,
Выдешь дѣва молодая :
Подъ кашаномъ дѣвы грудь ;
Шляпа на главѣ мужская .
Ты , ее оберегая ,
Не позволяй нижедохнуть
На нее дождю , ненастью ;
Спрахъ таинственною властью
Насымай на злыхъ звѣрей ,
На недобрыхъ , на людей ;
Чтобъ въ дубравѣ дѣвы нежной ;
Чтобъ ее въ степи безбрежной
Обижать не смѣлъ злодѣй ;
Волкъ не испугалъ голодный
Вѣсперъ не знобилъ холодный .
Въ пущь же , Сильфъ , леши скорѣй !

А р и е л ь .

Внялъ я голосу Царицы ;
Полечу быспрѣй зарницы .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Занавѣсъ еще опущена; выходитъ Кикимора.)

Кикимора (публикѣ).

То, что вы видѣли, почтенные друзья,
На колдовство, на чудеса похоже;
Однако же встрѣчалъ не рѣдко я
Въ житейской вашей прозѣ точно то же:
Пока красавица къ красавцу холодна,
Онъ вылезеть, кажется, гошовъ изъ кожи;
И что жъ? едва къ нему преклонились она, —
И вдругъ — его душа заспужена
И онъ, — о ужась! онъ гошовъ прозваньемъ рожитъ
Топь ликъ, небесный ликъ безславиль и срамиль,
Безъ коего, клялся, не въ силахъ домъ жить.
Но я не вышелъ къ вамъ для разсужденій,
Я нынѣ Авшору подручный геній,
А сей покорно просить васъ:
« Перенеситесь въ Петербургъ на часъ. »

Туда въ каштанъ, шляпою покрѣпа

Осправилась ошважная Княжна ;

Силь-ѣъ Аріель ея вожаший и защища ;

И, кажется, могла ужъ и дойти она ,

Пока грѣмили здѣсь басы , лишавры , скрипки :

Надѣюсь , многія проснише намъ ошибки ,

Когда превращена

Въ Амура Русачка , предешанешъ вамъ она ,

И насъ ошпуснише не безъ улыбки .

Пора мнѣ : занавѣсь шумишь ,

Взвилась (Занавѣсь поднимается : ошкрывается комната ;
Весновъ сидишь у окна и чипаешь.)

. . . Взглянише : вопшь Весновъ сидишь ,

Чипаешь — чшо? *два дворянина* (*)

Веронскіе . . . вы не чипали ихъ ?

Прочнише жъ ! Но изъ за кулисъ дѣшина

Въ ливреѣ мнѣ грозишь ; разливъ рѣчей моихъ

Гнѣвишь Директора ; а што счастливый спихъ

И не одинъ и презабавный

Вамъ предложилъ бы : я болшунъ исправный .

(Уходишь) .

Голосъ подъ окномъ .

Арбузы , дыни хороши :

Купи же , баришь шоровашый

Позвашь сиротку прикажи

Въ свои высокія палашы ;

Арбузы , дыни хороши :

Купи же , баришь шоровашый !

(*) The two gentlemen of Verona, Комедія Шекспира, въ кошо-
рой шакже дѣвушка переодѣвается въ опшрока.

В е с н о в ь (у него выпадаетъ книга изъ рукъ.)

Что слышу? голосъ чей? — Онъ чудно мнѣ знакомъ,
И шюю жъ сладостью и тѣмъ же серебромъ
Наполненъ какъ ее! — То не простое сходство,
То голосъ Лиди! — (помолчавъ) — Какое сумасбродство.
Какъ мысль такая мнѣ на умъ припши могла?

(Береть опять книгу) Да! эпа Юлія мила:
Она его любовь своей любовью мѣришь;
Ему, бѣдняжка, безпредѣльно вѣришь!
Счастливый путь въ Миланъ! — а какъ ее поэшь
Представилъ опрокомъ? (чипашь.)

Г о л о с ь.

Арбузы, дыни

В е с н о в ь (вскакиваетъ.)

Нѣшь!

Не ужели причиной чшенье?

Меня или дурачитьъ вображенье

Или . . . Эй, мальчикъ! — эй, лошокъ!

(Глядя изъ окна.)

Взглянулъ . . . ея глаза! — идень . . . и пошупь ша же!

И росшь и волосъ, — шакъ, улыбка даже!

И млѣю и дрожу . . . Что шупь гоповишь рокъ?

(Входитъ Лидія, переодѣшая мальчикомъ-разнощикомъ;
продолжается нѣмая игра.)

Л и д і я.

Что, баринъ? вѣрно, нѣшь у васъ охоты
Ошвѣдать нашихъ дынь?

В е с н о в ь.

Скажи мнѣ мальчикъ, кто ты?

Л и д і я.

Сиротка; въ Пишеръ прибылъ изъ села.

В е с н о в ъ .

Откуда родомъ ты?

Л и д і я .

Изъ подъ Орла.

В е с н о в ъ .

А прозываешься?

Л и д і я .

Иванъ Сусанинъ.

В е с н о в ъ .

Чей?

Л и д і я .

Льва Пепровича Ижорскаго крестьянинъ.

В е с н о в ъ .

Его? — Сомнѣнья нѣтъ: я опгададь, кто ты,
Я опгададь, кого передъ собою вижу,

И мнѣ ль забышь сіи черны? —

Молчишь? — навязчивость, повѣрь мнѣ, ненавижу.

Не буду самъ навязчивъ — и свяша

Мнѣ будетъ шайна ша,

Которая тебя скривашься принуждаешъ.

Чего же Ваня опъ меня желаетъ?

Л и д і я .

Служишь вамъ; вмѣстѣ жъ и... опъ васъ услугъ.

В е с н о в ъ .

Какихъ? скажи... помѣщикъ швой мнѣ другъ.

Л и д і я .

Вашъ другъ? — и я слыхалъ такъ опъ людей дворовыхъ.

Да мало, доворяшъ, въ нашъ вѣкъ друзей гошовыхъ

Друзьямъ въ бѣдѣ помочь:

Всѣ въ счасшіи друзья, въ несчасшіи всѣ прочъ.

В е с н о в ь .

Извѣдай и найдешь, усерднымъ буду другомъ.

Л и д і я .

Иное пляжко и для испинныхъ друзей.

В е с н о в ь .

Такъ, шакъ! — Все жь ввѣрся швердоспи моей,

Л и д і я .

Мой барицъ спраждешъ злымъ недугомъ,
(Дѣдъ думаетъ: испоршили его).

Онъ въ жизни, говоряшъ, опшвѣдалъ опъ всего
И много горькаго, — а пасмурень съ природы;
Объехалъ бѣлый свѣшъ, всѣ земли, всѣ народы

И воротился на Свящую Русь

Мрачнѣе вдвое, чѣмъ поѣхалъ. — Не берусь
Подробно разсказашъ, да слухъ шакой носился;

Здѣсь въ Пешербургѣ будшо бы влюбился

И будшо бы въ послѣдній разъ

Дѣвичей ласкѣ положилъ повѣришь,

И что жь? (не добрый, вѣрно, гласъ
Зависшицы какой!) лукавишь, лицемѣришь

Передъ несчастнымъ принялась она;

Прикинулась, что влюблена,

Сама жь ему смѣялась спороною

Онъ вдругъ узналъ — и помершвѣлъ душою

И бросилъ городъ и покинулъ миръ

И нынѣ, одинокъ и сиръ,

Живетъ самъ-другъ съ змѣей, злодѣйкою-посокою.

Мнѣ жь дѣдъ мой сказывалъ: кого любовь

Убила, пошъ воскреснешъ вновь,

Какъ будешь поднйшь дружеской рукою.

Весновъ.

Къ нему?

Лидія.

Такъ точно.

Весновъ.

Не допустишь насъ.

Лидія.

Увидимъ; выждемъ легкой часъ:

Онъ, знаю, болѣ всѣхъ знакомыхъ любилъ васъ;

Къ тому же разныя пѣшь пѣсенки умѣю;

Когда-то нравились ему онѣ . . .

(Болшаюшь, не дурной Господь далъ голосъ мнѣ)

Такъ, съ Богомъ, съ вами, можешь, и успѣю:

Успѣлъ же съ Богомъ молодой паспухъ;

О немъ вопль пишушь, что лукавый духъ

Царя смущалъ, а паспырь юный

Ударилъ въ золошца спруны

И гласомъ сладостнымъ свяшый псаломъ запѣлъ, —

И духъ лукавый ошлешѣлъ.

Весновъ,

Госновъ я; за земной предѣлъ

Ишли госновъ я за шобою!

Лидія.

Спѣшишь къ спрадальцу съ дружбою свяшою

И ужъ сдаешия мнѣ, спрадалецъ исцѣлѣлъ.

(Уходящя рука въ руку.)

Я В Л Е Н І Е 2.

(Домъ Ижорскаго въ Орловскомъ его имѣніи; Ижорскій, Шишимора.)

Ш и ш и м о р а .

Опять поспеешь — охъ!

И ж о р с к і й .

О чемъ же веселишься?

Ш и ш и м о р а .

Ты любишь Лидію, скажи мнѣ, или нѣтъ?

И ж о р с к і й .

Ее ни мало.

Ш и ш и м о р а .

Дѣльный, брашъ, ошевьшъ,

О чемъ грустишь?

И ж о р с к і й .

Грустишь? мнѣ должно бы бѣситься!

Не удалось, не опомсиль.

Ш и ш и м о р а .

За то ужъ желчь на Князя ты излилъ:

Ему доспалось на порядкахъ.

Ты часто ли въ такихъ припадкахъ

Бываешь? въ бѣшенствѣ такомъ?

Съ двора убрался онъ пишкомъ

Съ племянницей, съ Графинею жеманной,

Не то бы случай вышелъ и преспранной;

Пришлось бы ошевчашъ спинъ опца

За то, что дочь ушла, не наша до венца!

Но развѣ ты обиженъ ею только

И ненавидишь только, что ее?

Ушла — ну, на другихъ ты вымѣсни свое!

Да, правда: добренькихъ жалѣешь!

И ж о р с к і й.

Я? нисколько:

Безъ исключенья ненавижу всѣхъ:

Мнѣ, право, кажется, ихъ вопль мнѣ былъ бы смѣхъ.

Ш и ш и м о р а.

Похвально. Между пѣмъ, что дѣлаешь съ досады?

Випійспвуешь, поешь Иереміады;

Не хуже, чѣмъ покойникъ Ювеналь,

Ругаешь дураковъ, злодѣевъ на повалъ;

А дураки, злодѣи

Все продолжаютъ прежнія зашты;

Живушь — и думаешь: «Сашира не кинжалъ,

« Не пистолець и не ошрава;

« Бранишься? — пусть! вѣдь первымъ намъ забава.»

Я дікі, доказаль.

И ж о р с к і й.

Послушайте, вы, господинъ Лукавой!

Я не хочу ни чьею быть забавой,

Ни вашей, — вѣрьте мнѣ. Такъ, не люблю людей,

(Любишь ихъ нѣтъ причины)

Но разспавляшь оставьше паушины;

Груба ужъ слишкомъ шкашь шакихъ сѣмей!

Злодѣйспва гнусы мнѣ, я не злодѣй;

Вопь слово я скажу: я дорожу собою,

Своимъ я мнѣнемъ дорожу; —

Мнѣ люди мерзосны, предъ адомъ не дрожу;

Но не унижусь никогда душою.

И, ежели вы, господинъ Пролазь,

Дерзните искушать меня еще хоть разъ,
Не забывая дружбы нашей,

И я дерзну — и прогоню васъ въ зашей. —

Ш и ш и м о р а.

Прогонишь? нашъ контрактъ! вы позабыли его?
Собою дорожишь? не хочешь быть злодѣемъ?

А съ позволенія своего

Еще мы надъ тобой похохотать посмѣемъ.

Да! что злодѣй? кого зовешь злодѣемъ ты?

Есть, право, славныя черны

И въ жизни своею! И вошь тебѣ образчикъ:

(Я не раскащикъ,

Но привожу его,

Пріятель, только для того,

Что память у тебя плохая)

Кто? я ли, звѣрской яростью пылая,

Хотѣлъ невинную дѣвицу соблазнить?

Пошомъ сразишь ее ужаснымъ, адскимъ смѣхомъ?

Когда бы увѣнчалось, по успѣхомъ,

Ты дней ея распоргъ бы нишь,

Или бы душу ввергъ въ холодное запмѣнье,

На вѣки въ ней задулъ бы умъ

Но это ничего, не преспуленье;

Ты праведникъ, ты поднялъ крикъ и шумъ

И говоришь: « не смѣй водить насъ въ искушенье! »

Люблю я, что всегда, во всемъ

Съ дѣлами мнѣне свое согласно:

Кто ненавидишь, шомъ не оскорбишь ни въ чемъ

Враговъ своихъ — не такъ ли? это ясно!

Ты дорожишь собою

И по прекрасной сей причинѣ,

Себя перзаешь вѣчною поскою

И грызть себя даешь убійственной кручинь.
А развѣ зло пворишь, — когда ужъ такъ ты спрогъ; —

И безкорыстно бы не могъ,
Безъ пользы для себя, единственно изъ рвенья

Ко злу? — Тогда — ну, чванься въ добрый часъ!
Тогда бы испиино ты походилъ на насъ

И всякаго достойнъ былъ почтенья.

Я, напримѣръ, открылъ бы домъ
Про всякаго, про всѣхъ, веселый, молодецкій,

На славу, домъ игрецкій:

Здѣсь банкъ, шумъ спосеъ, шамъ коспи, а припомъ
Вино, балы, театръ, музыка роговая,

Цыганки, кони, псаря — и лихая,

Ну, словомъ: все, Гоморра и Содомъ!

У насъ ли нѣтъ на все и способовъ и средства?

Вообрази, возьми,

Какъ шумъ изъ близкаго, изъ дальняго сосѣдства

Нагрнули бы къ намъ съ сынами, съ дочерьми!

Тутъ сколь бы нашлось пріятелей спаринныхъ:

Тотъ башюшку знавалъ, тотъ по женѣ родня,

А тотъ, не зная, почтпалъ меня;

Сестрицъ и пешушекъ опкормленныхъ и чинныхъ,

И грязныхъ дядюшекъ и глуныхъ брашцевъ — полкъ!

Ихъ стаду былъ бы радъ гостепрїимный водкъ;

Онъ опъ любезности коровъ бы разрывался,

Козлиной дѣльности, дивясь бы, восхищался

И находилъ бы и въ баранахъ умъ и полкъ.

Такъ! обирай бы ихъ я спалъ до нитки,

Не для себя: на что мнѣ? нѣтъ, хоть въ печь

Весь выигрышъ! но весело ихъ жечь

Огнемъ медлительной, учливой, пихой нитки.

А шолько пикнешъ кто, а шолько кто дрогнешъ

И не найдешь, что мы чрезвычайно милы,
Того нашъ исполнень на разумъ наведешь :
Пускай раздумаешь шамъ въ пишинѣ могилы,
Какъ больно оскорбилъ такихъ, какъ мы, людей,
Своею щекошливостью извѣстныхъ,
Радущихъ, благородныхъ, честныхъ!

Про женъ ихъ, про сестеръ, про дочерей
Ужъ что и поминашь! доспались бы въ придачу.
Чудеснѣйшій проектъ! чуть съ радости не плачу!

Но ты, мой другъ, спунай,
Какъ прежде самому себѣ надождай,
Филиппики, какъ прежде, распочай;
Вѣдь знаю же: швое веселье — скука,
Твое блаженство — мука,
Зѣвоша для себя и счастье и рай!

Но только не мечшай,
Что опъ другихъ ты въ чемъ нибудь опличенъ ;
Какъ все они, ты двуязыченъ;
Какъ все, одно шолкуешь, говоришь,
А глядь, другое сотворишь!
Такая жъ брешная, какъ все собрашья, глыба,
И ты, какъ все, не мясо и не рыба.

И ж о р с к і й.

Послушай, Демонъ: правъ ты; точно такъ,
Я точно былъ дуракъ,
Что за вины другихъ себя шерзалъ и мучилъ
Былъ одинокимъ, я соскучилъ:
Пусть ѣдушъ, пусть бѣгушъ! опкрышъ для всехъ мой
домъ.

Увидишь: съ неблѣднѣющимъ челомъ
И я раскидывашъ умѣю сѣши.

Что спыдъ? что совѣспъ? что молва?

Нелѣпныя слова!

Боишься кпо ихъ? кпо? никпо, ни даже дѣпи!

(Уходишь; за нимъ Шинимора.)

Я В Л Е Н І Е 5.

(Домъ помѣщика Кондраша Максимовича Ковалка) Кондрашъ Максимовичъ и Фалалей Кузмичъ Подлипало.

К о в а л к а.

Что новаго, сосѣдъ?

П о д л и п а л о.

Есть кое что, и вамъ

За что купилъ, за что продамъ.

Ижорскій

К о в а л к а.

Колобродишь?

Нѣтъ; онъ на ошца шеперь ходишь:

Такой же спаль, какъ былъ покойникъ, хлѣбосоль;

Прогналъ съ двора печаль, забылъ бѣды и горе,

Для всѣхъ насъ у него шеапръ, охоша, споль,

Ну, словомъ, разливное море.

Вошь созваль прешпьяго дня весь уѣздъ.

И съѣхались: кресшы, да, не было безъ звездъ,

Превосходительныхъ съ пяшокъ, Князей довольно,

И было все шакъ благородно, вольно,

Безъ принужденья, безъ чиновъ,

И радъ хозяинъ всѣмъ, всѣхъ обласкать гошовъ.

А какъ въ игрѣ ему везешь? скажу вамъ: вошь

Тупаловъ, — вышелъ голый изъ воротъ;
Раздѣлъ его Ижорскій до рубашки.

К о в а л к а.

Да это не опцовскія замашки!

П о д л и п а л о.

Кондрашъ Максимычъ, — молодежь!

Оспепенился ты; не мудрено: сѣденекъ;

А чай, и ты лешалъ шуда же, гдѣ каршежь.

Вѣдь бѣеши онъ, сердечный, не изъ денегъ:

Премилый человекъ! его я полюбилъ;

И нашимъ бабамъ всею онъ голову вскружилъ.

К о в а л к а.

И къ молодцу своихъ возишь ты спанѣшь на домъ?

П о д л и п а л о.

А почему же цѣшь?

К о в а л к а.

Поздравлю жъ васъ съ нарядомъ;

Съ уборомъ головнымъ.

П о д л и п а л о.

Сули уборъ инымъ:

Не опасуюсь.

А за Ханжевскихъ, брашъ, такъ не ручаюсь;

Да берегись и пусняковъ:

У нихъ ужъ и дошло съ женой до крупныхъ словъ:

(Входишь Анисимъ Павловичъ Вѣстовщиковъ.)

К о в а л к а.

Слуга покорный! Кумъ нашъ драгоценный!

Прошу прѣспись.

Вѣстовщиковъ (саясь.)

Благодаримъ за честь.

К о в а л к а.

Насъ разсудите, другъ почтенный:
Вотъ Фалалей Кузмичъ привезъ мнѣ вѣсть . . .

В ѣ с т о в щ и к о в ѣ.

Признашья, кой-какія есшь

И у меня.

П о д л и п а л о.

Какія?

К о в а л к а.

Кумъ, какія?

В ѣ с т о в щ и к о в ѣ.

Преважныя, предорогія:

Вы Машу, Вепышкина меньшую знали дочь?

К о в а л к а.

Зналь. Чшо жъ?

В ѣ с т о в щ и к о в ѣ.

Бѣжала нынче въ ночь.

К о в а л к а.

Бѣжала? какъ?

В ѣ с т о в щ и к о в ѣ.

Изь переписки

Съ Ижорскимъ вышло все: письмо нашель опецъ; —

Чшо правда — правда, Вепышкинъ не подлецъ,

Служивый спарый, человекъ не низкій

И чешью дорожишь,

А сущій чоршъ, когда сердитъ:

Приспаль къ ней, спаль произносишь прокляшья,

Монаштыремъ, побоями спрацашь,

Не къ спашу тушь вѣшчалась машъ,

Вступился дядя, раскричались брашья;

Перепугалась дѣвка — и бѣжашъ

И, говоряшъ, къ Ижорскому въ обяшья.

К о в а л к а.

Ну, Фалалей Кузьмичъ, Ижорскій швой каковъ?

В ъ с т о в щ и к о в ъ.

Вамъ былъ знакомъ Поручикъ Храбриковъ?

П о д л и п а л о.

Владиміръ Карпычъ?

В ъ с т о в щ и к о в ъ.

Онъ. Зарезался бѣдняжка!

К о в а л к а.

Помилуй Богъ! за что?

В ъ с т о в щ и к о в ъ.

Его же кучерь, Яшка

Мнѣ обо всемъ подробно разсказаль:

Ижорскій ободраль Поручика, какъ липку,

Казенную вошь сумму проиграль;

Взыскашелець и спрогъ ихъ Генераль:

И такъ, чшобы поправиль шу ошибку

Несчастный грошку опмахнулъ себѣ.

К о в а л к а.

Ну славный хлѣбосоль, ну ласковый хозяинъ!

Сосѣдъ, скажу тебѣ:

Разбойникъ онъ!

П о д л и п а л о.

Злодѣй!

К о в а л к а.

Губитель!

В ъ с т о в щ и к ъ.

Ванька Каинъ!

(Входитъ слуга.)

С л у г а.

Онъ Льва Пепровича нарочный прискакаль.

К о в а л к а

Не слышу . . . ась? что, братецъ, ты сказалъ?

С л у г а.

Приѣхалъ къ вамъ нарочный изъ Сладкова.

К о в а л к а.

Нарочный! изъ Сладкова! къ намъ.

Въстовщиковъ (Подшаль въ полголоса.)

Плясать его душа ошь радости гошова!

К о в а л к а.

Да, Фалалей Кузмичъ, сказалъ позволше вамъ;

Оно немножечко на шарину похоже.

Покойникъ Пепръ Степановичъ, — мой Боже!

Мы были съ нимъ приятели, друзья:

Нарочныхъ ошь него и жди, бывало, я

Двухъ, прехъ въ недѣлю; что же?

То пригласишь на справлю, на обѣдъ,

То позовешъ на именины,

То свадьба дочери, по внучькины крестины.

Братъ, честный человекъ, прекрасный былъ сосѣдъ!

Пиваль я у него, да ужъ какія вины!

Шушникъ, любилъ смѣяться, вздоръ молодъ . . .

Дай царствие ему небесное Господь!

Въстовщиковъ.

Не ужто примше Ижорскаго лакея?

Вы . . .

К о в а л к а.

У шебя свербинъ, Анисимъ Павлычъ, шел:

Помилуй! Губернатору родня!

Еще вопъ обнесешъ, пожалуй, и меня!

Нарочный пусть войдетъ.

(Выходишь слуга, попомъ входишь нарочный.)

Н а р о ч н ы й.

Вельдь спросишь васъ баринъ:
Все ль въ добромъ здравіи?

К о в а л к а (кланяясь)

Обязанъ, благодаренъ!

Н а р о ч н ы й.

И приказалъ донесшь,
Чтобы изволили съ нимъ за просто опкушатьъ.

К о в а л к а.

Считаю за особенную честь. (Уходитъ парочный.)
Нельзя же опказашъ, нельзя же не послушашъ:

Богатый, знашый человекъ;

Тронь — не развяжешся и ввѣкъ!

Анисимъ Павлычъ, вамъ слуга всегдашній,
Сегодня жъ! . . . Фалалей Кузьмичъ у насъ домашній

И не разсердился: и шакъ,

Оправлюсь, наряжусь, надѣну новый фракъ.

Прошу васъ, извините! (Уходитъ.)

В в о с т о в щ и к о в ъ.

Вы, Фалалей Кузьмичъ, куда же вы спѣшите?

П о д л и н а л о.

Заѣду, брашъ, домой:

Въ Сладково, чай и мы приглашены съ женою. (Уходитъ.)

В в о с т о в щ и к о в ъ (одинъ.)

Вошь люди, за обѣдъ, за приглашенье

Гоповы все продашь, и вѣчное спасенье!

Да Левъ Пешровичъ ожидаешъ насъ:

Пора . . . (смотримъ на часы) Такъ почно, вошь ужъ первый
часъ! (Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е 4.

(Домъ Ижорскаго; Ижорскій и Честновъ.)

И ж о р с к і й.

Съ ноги шы на ногу переступаешь,
Сморкаешься и кашлешь и вздыхаешь

Ну, кончишь ли? — шоска!

Давно ли спалъ безъ языка?

Такія лица, знаешь, —

Мнѣ не въ шернежь.

Ч е с т н о в ъ.

Чшо жь дѣлашь? въ добрый часъ!

Не умерешь мнѣ въ вашемъ домѣ, видно.

А я, — пускаь было больно и обидно,

Еще не шо переносимъ ошь васъ,

Какъ были вы больны.

И ж о р с к і й.

Да, бросьте пустословье!

Ты видишь: я здоровъ.

Ч е с т н о в ъ.

Продли вамъ Богъ здоровье

И наведи на испинный васъ пущь!

Да мнѣ позволъше опдохнуть;

Пожалуйше мнѣ, спарику опспавку.

И ж о р с к і й.

То еспь: прибавку?

Не шакъ ли?

Ч е с т н о в ъ.

Нѣтъ. Въ послѣдній разъ, прошу,

Вы выслушайте меня извольте, Левъ Пепровичъ:

Вамъ слово про себя скажу.

Не мѣщанинъ я, не Поповичъ,

Природный, Русскій дворянинъ

И кровью я купилъ мой малый чинъ.

Нашъ добрый Генераль, вашъ бапюшка покойный,
(Будь миръ его коспямъ! вельможа былъ достойный).

Мой благодѣтель: я служилъ въ его полку

Еще при манушкѣ — Екатеринѣ.

Вошь, Левъ Пепровичъ, по какой причинѣ

Онъ предложилъ мнѣ, спарику,

Когда ужъ продолжалъ я не былъ въ силахъ службы,

Мѣсечко, хлѣбъ и кровь,

И принялъ ихъ Честновъ

Онъ щедрости его, великодушья, дружбы:

Но, вошь Господь свидѣль! — ихъ

Не принялъ бы ни онъ кого другихъ.

При мнѣ вы родились; росли въ глазахъ моихъ

И часто васъ качалъ я на коленяхъ . . .

(утираетъ слезы)

И ж о р с к і й.

Браво!

И слезы! продолжай: надоѣдай мнѣ право

Ты приобрѣлъ. Но не обманешь, нѣтъ!

Нѣтъ, не совсѣмъ я глупъ; мнѣ не шеснаццать лѣтъ.

Ч е с т н о в ъ.

Сынъ друга моего и это швой отвѣшь?

Не мучь меня; взгляни: бѣль, будшо снѣгъ, мой волосъ!

(Помолчавъ.)

Въ послѣдній разъ вы слышите мой голосъ,

Сударь: впередъ ужъ вамъ не спану докучать!

Въ послѣдній разъ мнѣ дайше досказать.

Все выскажу — а! сладко вспоминая!

Мы вами мальчикомъ , прекраснымъ любовались :
Какія пылкія въ васъ чувства разгорались !
Какойъ живой и чистый жаръ ,
Какое рвеніе къ дѣламъ всемъ благороднымъ !
И васъ увидѣвъ мужемъ превосходнымъ
Надѣялися мы . . . вдругъ умеръ вашъ отецъ :
Господь ему послалъ конецъ ,
Чтобы избавишь оныя печали :
Тутъ для меня дни горькіе настали ;
Я на землѣ остался сиротой .
Васъ повезли въ столицу :
Мое послѣднее веселіе съ собой
Вы взяли. Въ службу вы вступили ; за границу
Осправились — и наконецъ
Къ намъ возвратились . . . мой Творецъ !
Зачѣмъ до вашего я дожидъ возвращенья ?
Слѣды ужаснаго являя разрушенья
На взросломъ челѣ , въ попухнувшихъ очахъ ,
Во всѣхъ обезображенныхъ чертахъ ,
Такъ вы предпали мнѣ ; взглянули на Чеснова ,
Я къ вамъ бросаюсь , — вы — ни слова —
И заперлись. И спалъ мнѣ спрашенъ домъ
И мнѣ мечталось , здѣсь витающъ духи злые .
Ушеръ я слезы кулакомъ ,
Но вспомницъ дни былые
И васъ больныхъ покинушь не хошѣлъ ,
И вопъ , казалось , день нашъ просвѣщлѣлъ :
Здоровы спали вы ; за ночь пожаръ молебень
Я ослужилъ ,
Въ которой Богъ васъ укрѣпилъ
Спаси Князю. Теперь . . . не нужень , не потребень
Я вамъ ; въ шакомъ бышу , каковъ

Вашъ новій бытъ, не можешь жить Честновъ.

И жорскій.

Спарикъ, какъ хочешь: я тебя не принуждаю;
Держашь — я не держу, и гнашь — не выгоняю;

Осташься можешь, можешь и пойши:

Самъ вижу, наши разошлись пупи

Что дѣлаю, за шо предъ Богомъ отвѣчаю

И пляжко, можешь бышь, шо для моей души;

Но мнѣ не нужны наспавленья

И слышашь швоего я не желаю мнѣнья.

И шакъ, какъ хочешь . . . Но ко мнѣ пиши.

Тебя я не забуду.

Честновъ.

Въ слезахъ, въ пошѣ, рыдая и сменя,

За васъ молишься буду:

Ахъ! если бы услышала Богъ меня,

И жорскій (вынимая бумажникъ).

Вчера я выигралъ: возьми кошъ, — на дорогу

Честновъ.

Я грѣшный человекъ — (и кто же безъ грѣховъ?)

Такъ, деньги я люблю и въ шомъ я каюсь Богу:

Но *этихъ* денегъ не возьмешь Честновъ.

И жорскій.

На это важныя причины безъ сомнѣнья?

Честновъ.

Ихъ знашь хопише вы?

И жорскій (Киваетъ головой.)

Честновъ.

Прошу же извиненья:

Я *этихъ* денегъ не возьму

И жорскій.

Ну, не возьмешь . . . а почему?

Честновъ.

Не будешь Божія на нихъ благословенія.

И жорскій.

Не будешь? . . .

Честновъ.

Да на нихъ

И плачь и кляшвы бѣдныхъ жерствъ своихъ.

И жорскій.

Ты забываешься . . . какая дерзосшь!

Честновъ.

Не деньги нужны мнѣ, нѣтъ, мнѣ нужна любовь!

Мнѣ ваши деньги въ мерзосшь:

На вашихъ деньгахъ Храбрякова кровь.

(Поспѣшно уходитъ).

И жорскій (Одинъ)

Кровь, Храбрякова кровь! Ее не доспавало!

(Задумывается, входитъ Шишимора и оспана-
вливается въ опдаленіи.)

Какъ я собой владѣю мало!

Правъ демонъ: брениень я и слабъ,

И я, какъ всѣ, слѣпыхъ предрасужденій рабъ.

И что жъ шупъ? Бышя единого не смало

Въ бездонномъ шокѣ жизни и смершей,

Въ семь морѣ неисчисленныхъ зыбей

Единой капли нѣтъ . . . и опъ того мнѣ жало,

Такое жало въ сердце *мнѣ* запало?

Тебя я вырву, адская спрѣла!

Бѣда большая! жизнь одна прошла!

И жизнь какая?

Безумца жизнь, ничтожная, пуспая,
Какъ блѣдный пуспоцвѣтъ.
Но шепчешь мнѣ не по душа моя больная;
Вошще пвержу ей: « нѣтъ ! »
Глухая мука мнѣ невольницынѣ опвѣтъ.
(Опяпъ задумывается),

Ш и ш и м о р а (въ полголоса.)

Его перзакюпъ угрызенья,
Сосепъ, грызешь его безсмертная змѣя;
Безмолвно наслажуся я
Бѣсовъ достойнымъ зрѣлищемъ мученья.
И повлеку его попомъ на пресшудленья,
Какъ глупаго шельца на бойню подь обухъ;
На подвиги, опъ коихъ взоръ и слухъ,
Содрогшись, померпвѣюпъ:
Предъ ними прежнія, какъ шѣни, поблѣднѣюпъ,
Неискупимы будущъ и весь адъ
Вольюпъ въ его раздавленную душу;
И перерѣжу всякій пулъ назадъ
И клятву вѣчную на падшаго обрушу!
(Высшупаетъ впередъ.)

Грядущей смерти внемлю я шагамъ:
Сюда, сюда, къ симъ близишся спѣнамъ!
И жершва новая уже гошова,
Увѣнчана — и ножъ уже осперъ
И вскорѣ, вскорѣ загорипъ косперъ!

(Громко.)

Письмо къ вамъ опъ какого-то Веснова,

И ж о р с к и й.

Подай. (Читпаетъ письмо.) Въ выздоровленіи моемъ
Пріемлетъ непришворное учасшье
Онъ здѣсь въ ицѣни своемъ . . .

« Для молодого человека счастье
« Знакомство съ вами.» Моему уму
Дивился, знаньямъ . . . Просишь позволенья
Ко мнѣ прѣхашь

Ш и ш и м о р а .

И ему

Позволишь безъ сомнѣнья?

И ж о р с к і й .

Звѣрь ненасытный, и его
Пожрашь ты хочешь!

Ш и ш и м о р а .

Я? кого?

Помилуй! мнѣ какое дѣло? что ты?

Съ людьми же у тебя, не у меня расчеты:

Не сдѣлали мнѣ люди ничего.

И ж о р с к і й .

Съ шобою споришь нѣтъ охоты:

Ты знаешь силу перстия моего?

Тебѣ повелѣваю силой сею.

Молчи!

Ш и ш и м о р а .

Ослушаться не смѣю.

И ж о р т к і й .

И знай: на зло тебѣ спасу Веснова я,
Знай: онъ мнѣ дорогъ; да! напрасно брови
Сближаешь пакъ насмѣшливо: нѣтъ! крови
Веснова — вопшь тебѣ рука моя
Ты не напѣешься. Глупой ли, смѣшной ли,
Какой бы ни былъ я, мнѣ все равно;

Отказъ на просьбу, — рѣшено:

Онъ не погибнетъ! (Уходишь.)

Ш и ш и м о р а . (Уходя за нимъ.)

Ой ли?

Я В Л Е Н І Е 5.

(Открытое мѣсто въ лѣсу близъ большой дороги. Глубокая осень.)

Ш и ш и м о р а.

Гдѣ ты заяць? заяць гдѣ ты?
Что нейдешь ты, прусь косою?

З а я ц ь.

Дубъ, береза, вѣзь раздѣшы
Лиходѣйкою зимою;
Садъ и поле спали пусшы,
Лдомъ покрылася рѣка:
Позабышь кочанъ капушны
Въ огородѣ мужика.
Тотъ кочанъ и бѣль и сладокъ;
Зайчикъ на капуслу падокъ:
По просшорнымъ, по лугамъ,
По веселымъ, по холмамъ
Вдоль забора, по оврагу
Трусъ поднялся въ огородъ.
А и зайцу дасшь отвагу
Холодъ, голодъ и нужда.
Зваль ты: прусь бѣжишь сюда
Прибѣжалъ и ждешъ, что скажешь?
Ждешъ, что заюшкѣ прикажешь?

Ш и ш и м о р а.

Съ горки прыгъ, на горку скокъ,
Въ лѣсъ бѣги ты на восшокъ:

Раздается рогъ ловецкїй,
Псы подняли лай и вой;
Мчипся всадникъ молодецкїй,
Воронъ конь его лихой
Ты яви свою опвагу:
Перерѣжь дорогу псамъ;
По проспорнымъ, по лугамъ,
По веселымъ, по холмамъ,
Вдоль забора, по оврагу
Примани ловца сюда.
Нѣшь, не шрусъ, русакъ проворный;
Не тебѣ грозить бѣда:
Шею сломишь онъ, задорный.

З а я ц ь.

По проспорнымъ, по лугамъ,
По веселымъ, по холмамъ
Вдоль забора, по оврагу
Мнѣ бѣжашъ на вспрѣчу шамъ,
Мнѣ явишь свою опвагу?
Мнѣ манишь сюда вапату
Злыхъ собакъ, ловцевъ лихихъ?
Пуще смерти шрушу ихъ.

Ш и ш и м о р а.

Ну, пошелъ же! или духу
Я предамъ тебѣ, косою!

З а я ц ь.

Топчась, благодѣшель мой!
Но ушьшь мою спаруху,
Коли, зло случился мнѣ,
Охъ! не даромъ и во снѣ
Быль я позванъ къ людямъ въ госни:
« Велика, » я думалъ, « чеснь! »

Ужь сегодня не унесшь

Вась мнѣ, бѣдненькія коси!

(Убѣгаешь заяцъ.)

Ш ш и м о р а (однѣ.)

Такъ, оправдается примѣна спариковъ:

« Бѣда, когда Русакъ перебѣжишь дорогу! »

Найдешь на неожиданную превогу,

Ижорскій; бойся русаковъ!

И выручишь себя Весновъ

И будешь преданъ неминучей долѣ.

И въ домъ его ты примешь по неволѣ.

Но слышу голоса воровъ:

Подобно вою снаи гладной

Неисповыхъ волковъ

Сюда несется пѣснь ихъ шайки кровожадной.

(Скрывается. Является Ашаманъ съ
преми разбойниками.)

Р а з б о й н и к и (поютъ.)

Не бапюшка напушпвоваль,

Снабжала же не мапушка

Удалыхъ насъ молодчиковъ

Въ дорогу пу, дороженьку

Въ дремучій боръ, въ ночь шемную.

Напушпвоваль Царевъ кабакъ,

Снабжала же головушка,

Головушка разгульная,

Разгульная, да буйная;

И намъ дала подарочки:

Товарищъ нашъ, булашннй ножъ;

Вспорой-шо былъ подарочекъ

Киспень съ ремнемъ, поварищъ шо жъ;

Ружье, ружье Нѣмецкое

Быль прешій намъ подарочекъ!

А т а м а н ь .

Пожалуй, вы пьнемъ накликашите врага:

Молчашь! Мнѣ слышашся рога.

Прилягъ на землю, Коспя:

Не къ намъ ли чернь несеть какого госпя?

Чшо?

1-й Разбойникъ (прилегъ къ земль.)

Конскій попошъ.

А т а м а н ь .

Близко?

1-й Разбойникъ.

Да.

А т а м а н ь .

Взберись на елку, Оомка-борода.

(2-й разбойникъ взбирается на дерево.)

Не видишь ли чего?

2-й Разбойникъ.

Мнѣ виднися охошникъ:

А т а м а н ь .

Одинъ?

2-й Разбойникъ.

Одинъ.

А т а м а н ь .

Здѣсь стой, Андрюшка плошникъ;

Ты, Коспя, здѣсь; а мы съ Оомой,

Мы спанемъ вошь за эшою сосной.

3-й Разбойникъ.

По насъ ли, полно, драка?

Эй, не попасть бы намъ въ бѣду, Космачъ!

А т а м а н ь .

Одинъ! — Ты слышишь ли, измоченный калачъ?

Чего жъ боишься?

1-й Разбойникъ.

Чу! залаяла собака.

2-й Разбойникъ.

Бѣжишь русакъ.

Атаманъ.

Къ ружью! дружите! стой!

(Является Ижорскій верхомъ; его окружаютъ; нѣсколько
выспрѣловъ).

Ижорскій (кричитъ).

Злодѣи! режутъ!

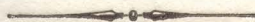
Атаманъ.

Точно такъ.

Ижорскій.

Разбой!

(Еще нѣсколько выспрѣловъ; Ижорскій падаетъ съ лошади. Вдругъ прибѣгаетъ Весновъ и Лидія, одѣтая Козачкомъ: Весновъ убиваетъ атамана: разбойники разбѣгаются: Лидія между тѣмъ бросилась къ Ижорскому и поддерживаетъ ему голову. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

К и к и м о р а (по поднятіи занавѣса.)

Вы мнѣ скажите, вы, чувствительныя дамы,
Охотницы до спреховъ и чудесъ,
Что можете быть милѣ нашей драмы?
Въ ней все, чего ни спросишь: темный лѣсъ,
Безумье и любовь и нежность и бѣсъ
И наконецъ, о радость! и разбойникъ.
Мы подождемъ: быть можете, и покойникъ
Еще появится, какой нибудь Вампиръ,
Таинственный, ужасный, блѣднотлицый;
Вошь шущь-то будетъ пиръ!
Вошь шущь-то всѣ захаюшь дѣвицы!
Вы поняли, любезные друзья,
(По крайней мѣрѣ такъ надѣюсь я)
Что въ глушь, гдѣ приняли въ кровавыя объятія
Ижорскаго Космачъ и брашья,

Съ большой дороги близко; а Весновъ,
Скакавшій по дѣламъ на проулькѣ рысаковъ
Въ Орель, услышалъ выспрѣды воровъ:
Онъ ошъ шого-шо шакъ явился къ спашки
И спасъ Ижорскаго. Ижорскій раненъ: вопшь,
Исполнены любви, спаранья и забопшь,
Весновъ и Ваня ошъ его кровати
Не смѣюшь ошойши. Но вскорѣ здравъ и бодръ
Покинуль Левъ Пешровичъ одръ,
И вскорѣ снова
Веселье дикое въ спѣнахъ Сладкова:
Вино и каршы, пѣсни, крикъ и шумъ;
Онъ вновь средь жершвъ своихъ, привѣпливъ и угрюмъ
И шепчешъ, кажешся: «всѣмъ гибель вамъ гошова!»
Тогда смушилася душа Веснова;
Тогда тяжелой шучей облекло
Его унылое чело;
Онъ не сказалъ Ижорскому ни слова:
Но часто на него подьяшый, долгій взоръ
Могущій выражалъ укоръ.
А каковы подъ часъ бываюшь спрѣлы взира
И какъ ихъ шрудно перенесшь,
Изъ слѣдующаго на сценѣ разговора
Вы можете расчесшь.

(Запавъсь поднимается; Кикимора уходитъ).

Я В Л Е Н І Е 4.

(Кабинетъ Ижорскаго въ Сладковъ: Ижорскій и Шишимора).

И ж о р с к і й.

Онъ осуждашь меня дерзаешь:

Его молчанье хуже, чѣмъ слова.

Какія жь надо мной ему даны права?

Что этакъ мальчикъ воображаетъ?

Спась жизнь мнѣ! — Но во-первыхъ я

Не знаю, споишь ли шого и жизнь моя,

Чтобъ его дорожишь; а во-вторыхъ, и всякій

Не прусь, изъ самолюбья одного,

На мѣспѣ Дон-Кихота моего,

Не откачался бы онъ драки.

За что же тупь благодарить?

Какое сдѣлалъ онъ неслыханное дѣло?

И дерзости его мнѣ почему сносишь?

Мнѣ должно показашь мальчишкѣ превосходство

Свое надъ нимъ.

Ш и ш и м о р а (Смопрѣвшій на Ижорскаго изъ
подлобья, — какъ будно
пораженный печальною мы-
слию.)

Какое сходство!

И ж о р с к і й.

Чье сходство? съ кѣмъ?

Ш и ш и м о р а.

Съ Княжной.

И ж о р с к і й.

Да, на Княжну похожь.

Ванюша, казачекъ Веснова. — Даль что жь?

Ш и ш и м о р а .

Ты мыслями себя пусными не превожь:
Но сходство велико. Къ тому жъ, такая пѣжность,
Почтишельность у барина къ нему!
А у него какая-то небрежность
Когда, что господину своему
Подаситъ, когда подниметъ что? ... и даже:
Разъ въ разговоръ козачекъ
Карманый уронилъ плашокъ;
Весновъ хопель подишь: я былъ на спражь,
Вошелъ — и, будто пойманные въ кражь,
Слуга и баринъ вздрогли.

И ж о р с к і й .

Точно такъ!
Но мы изслѣдуемъ, узнаемъ, что и какъ
Бѣда имъ, если я обманушь:
Надѣюсь, ужъ впередъ обманывать не спанушь!
(Смотришь въ окно.)
Смотри: какой же рядъ саней
Къ намъ валишь! какъ на сахаръ мухи,
Ко мнѣ лепяшь они: клянусь, должны бышь, глухи
И слѣпы всѣ, безъ глазъ и безъ ушей!

Ш и ш и м о р а .

Пусть ихъ! — иди, встрѣчай любезнѣйшихъ госпей,

(Уходятъ оба.)

ЯВЛЕНІЕ 2.

(Другая компанія въ Сладковъ, Весновъ и Лидія.)

Весновъ.

Нѣшь, Ваня, нѣшь! съ меня довольно:

Здѣсь долѣ не останусь я.

Лидія.

Ахъ, понимаю васъ, и мнѣ смощрѣнь, такъ больно.

Весновъ.

Расперзана душа моя:

Какъ? онъ ли, кто умомъ и пламеннымъ и смѣлымъ,

Избыткомъ чувствъ, избыткомъ силъ

Меня пошрясь, мнѣ душу поразилъ?

Еголь своимъ лѣшамъ незрѣлымъ

Избралъ я въ образецъ?

Я на него ль взиралъ, исполненъ удивленья,

И думалъ: «наконецъ

« Тебя нашель я, доблестный боець,

« Исшедшій съ честью изъ сраженья

« Съ огромной рашницей Судьбой! »

Воскресли для меня въ его лицѣ шѣ мужи,

Прелестной, Греческой, священной спарини

Могущіе и дивные сны,

На конхъ среди бѣшвъ и рока и оружій

Взирали юноши и вмѣстѣ съ жизнью кровь

За ихъ высокую любовь

Изъ сна смертельныхъ ранъ съ улыбкой издвали.

Опныиъ жъ для меня великихъ имена
Пустыя буквы лишь на суешной скрижали :
 Очнулся я опъ сладоспнаго сна ;
Палъ идолъ мой и всѣ, съ нимъ всѣ кумиры пали !
 Когда еще , какъ радоспный маякъ ,
Онъ освѣщаль моею грядущей жизни мракъ , —
 Блаженъ его любовью ,
 Своею лучшей и чиспѣйшей кровью
 Я за его любовь бы заплапиль :
Безумецъ , за него и дерзоспный и гордой ,
 Я мръ неизмѣримыхъ силъ ,
Предполагаль въ душѣ неколебимо - швердой ,
 Въ его душѣ , доспнойной всякихъ жерпвъ
Вдругъ ослѣпленъ зашмѣнемъ дикой спраспни
 Онъ для меня , онъ для всего спаль мерпвъ .
Но даже и тогда все оной шемной власпни
Копьль я приписаль , кошорая мужей
 Надъ чернюю вознесенныхъ
 Колемель въ сто крапъ сильнѣй ,
 Чѣмъ спадю смирное обькновенныхъ ,
Къ порывамъ пламеннымъ несозданныхъ людей .
Теперь же — выказаль успамъ моимъ не въ силу —
Теперь же всѣхъ надеждъ , всѣхъ сповъ моихъ могилу
Я вижу : горе мнѣ ! — мой полубогъ злодѣй !
 Л и д і я .
Нѣтъ , не его вини въ семъ спрашномъ превращеньи ,
Меня , одну меня ; я , я всему виной !
Ко мнѣ онъ бросилъ съ пылающей душой ; —
А я , холодная ! онъ былъ осмѣянъ мной !
И вошь враждуешь всѣмъ въ злосчаспное заблуждени
 За преступленіе одной .
Но докажи ему , что дружба еспъ сваяпая ,
 Что безкорыспная любовь

Не призракъ, не мечта — и узришь: будешь вновь,
Чѣмъ былъ онъ для неба; и, землю освѣщая,

Вы вмѣстѣ, двѣ прекрасныя звезды

Взойдете выше горя и бѣды,

Взнесешься выше всехъ искусствъ и прелъщений,

И человечества восторга полный геній

Въ немъ Каспора и Поллукса въ тебѣ

Благословишь. Тогда — шакъ! вашей я судьбѣ

Возрадуюсь тогда и примирюсь съ собою:

Быть можешь, свой обманъ тогда прощу себѣ.

Весновъ.

О Лидія! чшо ты шворишь со мною?

Какъ надо мною ты, волшебница, сильна!

(Входящій Ижорскій и Шишимора и оспанавливаются въ дверяхъ, незамѣчаемые Весновымъ и Лидією).

У ногъ своихъ кланусь: (бросается на колѣни) тебѣ посвящена

Опынь жизнь моя; своимъ орудьемъ буду:

Тебѣ послѣдую во всемъ, тебѣ повсюду

Ижорскій (высупая впередъ.)

Чшо вижу я? нашъ Грандисонъ каковъ!

Чшо это значить, господинъ Весновъ?

Чшо это, госпожа Веснова, —

Или, какъ васъ прикажете назвать?

Весновъ (вскочившій.)

Ижорскій, васъ прошу — ни слова!

Ижорскій.

Не вы ль меня заставили молчань?

Ужъ это чрезъ чуръ забавно!

И на сей разъ

Ослушанья осмѣлюсь васъ

Да! жизнь свою ты начинаешь славно,

Ты, на груди моей согрѣшая змѣя!

Но къ сердцу своему себя приблизилъ я,
А ты — въдъ человекъ, и было бь очень чудно,
Когда бы на досугъ, въ тишинѣ
Ты не придумалъ, какъ распоргнуть сердце мнѣ!

Весновъ.

Предъ вами оправдаться мнѣ не трудно.

Ижорскій.

О вѣрю! что же трудно для тебя?

Ты мальчикъ хощь куда краснорѣчивый;

Но не оправдывай себя:

Не такъ ли? я Dandin рогатый и счастливый (*)!

За вкусъ свой похвалишь позволше васъ, Княжна,

За сосраданье къ малолѣтнимъ; впрочемъ

Надъ вашей хипроснию не много похочемъ:

Ужь слишкомъ романически она

Придумана, ужь слишкомъ мудрена!

Ее и въ глухой не доусиашь сказкъ.

Бежашь онь жениха къ любовнику — и въ маскѣ

Въ чехмелѣ Казачька положимъ: но оняшъ

Явишься для чего и эню какъ пояншь?

Весновъ.

Ижорскій, на меня вы желчь свою излейте:

Отъ васъ я все рышился перенести.

Но если дорога вамъ честьъ,

Княжну вы оскорбляшь не смѣйте?

Ижорскій.

Мнѣ, мнѣ грозить, обманщикъ подлый, ты?

Нѣтъ, я росни своей не удержу я долѣ!

Рука ли у меня оппала? я ль въ неволѣ?

Или, обьяшый мракомъ слѣпоны

Я къ сердцу швоему не обрѣшу дороги?

(*) Dandin cocu, battu et content.

Знай : льва ты уязвилъ среди его берлоги ;
Умри ! (Бросается съ кинжаломъ на Веснова).

Л и д і я.

Весновъ ! Ижорскій !

(Хочешь защищать собою Веснова.)

Ш и ш и м о р а (удерживаясь ее.)

Спой !

Судьбы не опровергнешь : година роковая !

(Ижорскій закалываетъ Веснова).

В е с н о в ъ.

Все кончено : я разскаюсь съ тобой !

Сказать могу же нынѣ , умирая :

Тебя любилъ я чистою душой.

Ты опъ меня желала паяжкою жершвы ,

Но жершву я принесъ : шакль свою любовь ,

Служилъ швоей любви къ другому . . . Спынешь кровь ;

Темно . . . васъ примирю ль по крайней мѣрѣ мершвыи ?

Ижорскій , да ! тебя я предпочелъ себѣ ;

Хотѣлъ , — но не угодно по судьбѣ . . .

Языкъ ошажелѣлъ ; какая шма густая ! —

Спасайся ! . . . (Умираетъ ; Лидія лишается чувствъ.)

И ж о р с к і й.

Что сказалъ онъ , Демонъ ? издыхая ,

Онъ что сказалъ ? « тебя я предпочелъ себѣ ? »

Что это ? что ?

Ш и ш и м о р а

Вотъ время ты нашелъ

Расширивать ! Не шорощись : узнаешь !

Но буде ты шеперь пошашься не желаешь ,

Хорошъ его послѣдній былъ совѣтъ :

Людей еще покуда нынѣ ,

Спасайся ! — Ведалъ я , что будешь швой принадлекъ

Не слабъ , и вотъ къ крыльцу велѣлъ подвесить лошадокъ

На всякій случай . . . Чшо споймишь пы? смопришь чшо?
Да, почно шакъ! ее возмемъ съ собою:
Но скоро васъ увидишь кшо,
Обоихъ васъ плащемъ своимъ покрою.

(Выноситъ Лидію и насильно выводитъ Ижорскаго.)

Я В Л Е Н І Е 3.

(Спелъ. Ижорскій, Шицимора, Лидія — спитъ.)

И ж о р с к і й.

Моимъ безпамятствомъ воспользовался пы;
Ее съ собою взялъ; на чшо намъ это бремя?

Ш и ш и м о р а.

Вы, люди, спранные, смѣшное, право! племя:
Чшо часъ, — мѣняеше желанья и мечпы.

Ушла, — и пы бѣспля; нынѣ

Одна, въ своихъ рукахъ, безъ помощи, въ пустынь;

Я думалъ, пы меня похвалишь, скажешь: хващъ!

Ни шупъ - шо было, нѣтъ! все я же виновашъ.

И ж о р с к і й.

Злой духъ, довольно преспуленій:

Ихъ новыми умножишь не хочу.

Ш и ш и м о р а.

Ты только лѣзишь на спунень съ спунени,

Но вошь взберись совсѣмъ на каланчу.

Увидишь самъ . . .

И ж о р с к і й.

Ужасный искуситель!

Чего еще желаешь? я губишель;

Убийца подлый я :

Не въ поединкѣ, въ битвѣ равной
Противника сразила мечь моя:
Нѣтъ, въ безоружнаго вонзилъ я ножъ безславной!

Ш и ш и м о р а .

Ха ! ха ! ха ! ха ! ты шушь забавной !
Тебѣ прискорбно то,
Что ты не въ силу вашихъ правилъ,
« Какъ убивашь людей, » убилъ Веснова, что
Тебя я опъ хлопощъ избавилъ
« Зачѣмъ при этомъ не былъ, » де « никпо
Изъ забіякъ задорныхъ,
Оспавленныхъ за буйство, въ фракахъ черныхъ
Въ усахъ, въ венгеркахъ, длинныхъ, словно шесъ,
Сухихъ? . . . » Но описанье надоѣшь ;
И сами скуку и тоску наводяшь ;
Ихъ знаешь : въ шулерахъ друзей себѣ находяшь ;
Чтобы поинь, поѣшь
Такъ называемая *честъ*
Для нихъ единственное средство ;
Два писполеша гербъ ихъ и наслѣдство :
Двухъ молодыхъ глупцевъ ихъ дѣло свесъ,
Зарядъ повѣришь ,
Шаги опмѣришь ,
И высрѣла дождашся ; а попомъ
Подробно , съ разсѣновкой за споломъ
Разсказывашь , какъ все происходило ,
Какъ благородно , мило
И слѣдую всемъ правиламъ , дуракъ
Другаго дурака опправиль въ вѣчный мракъ .
Благодаришь меня ты долженъ бы , чудакъ ,
Что ты извелъ врага безъ дальнихъ объясненій ,
Безъ энихъ скучныхъ всехъ приговореній ,

Переговоровъ , писемъ , посещеній

Вышеръченныхъ забіякъ ,

Которые шебъ враньемъ бы надобли ,

Тебя бы волокли къ тому же , къ той же цели ,

Да только цѣльи недѣли !

И жорскій .

Чшо съ нею дѣлашь мнѣ ? — Такъ : я неколебимъ ;

Такъ , знаю : всѣ они повапленные гробы ,

Всѣ преисполнены предательства и злобы

И никогда ни въ чемъ ужъ не повѣрю имъ

Но признаюсь , въ пусшныя увѣренья ,

Чшо изъ любви ко мнѣ , для моего спасенья

Переодѣлась , чшо Весновъ ,

Собою жершвуя , ей помогаль , не боль . . .

Такія басни для однихъ глупцовъ , . . .

Но , признаюсь , меня смущаюшь по неволѣ ;

А чаще бѣсяшь , — любь у ней каковъ ?

Чшобъ я вдался въ обманъ , надежды не перяешь !

Я ? сумасшедшимъ ли она меня считаешь ?

Къ шому же эти слезы ? Сверхъ шого

И для побѣга моего

Она шажелая помѣха

Чему смѣешься ты ? мнѣ , право ! не до смѣха .

Ш и ш и м о р а .

Какъ не смѣяться шупь ? ты чудный человекъ :

А развѣ мало рѣкъ ,

Въ которыя ея ты могъ давнымъ давно бы ? . . .

Ты жъ знаешь : *всѣ они повапленные гробы* ,

Всѣ преисполнены предательства и злобы ;

Такъ , чшо же и жалѣшь ? Или когда въ шебъ

Ужъ нѣшь довольно мужества и силы

Чшобъ самому раскрышь ей дверь могилы ,

Такъ предославъ ее судьбѣ;
Брось Ариадну здѣсь — и будешь ты Озеємъ!

И ж о р с к і й.

Мнѣ ль совершеннымъ бышь злодѣемъ?

Ш и ш и м о р а.

Бышь совершеннымъ, братъ, довольно мудрено

И потому-то, знай, оно

Всегда, во всемъ почтенія достойно.

И ж о р с к і й (глядя на Лидію.)

Какъ спишь она и сладко и спокойно!

Ш и ш и м о р а.

Тѣмъ лучше для нее и даже и для насъ!

Пока еще не опворила глазъ,

Пойдемъ, прими совѣтъ полезный,

Пойдемъ — и разомъ съ плечъ долой.

(И ж о р с к і й медливъ.)

А шо, шобъ сказать я долженъ, другъ любезный;

Ты молодець съ горячей головой;

Мнѣ не предвидѣшь всякаго мгновенья:

Еще, бышь можешь, собственной рукой

Оно бъ и ничего: но скучны поученья,

Упреки скучны мнѣ, которыми всякій разъ

Внимаю въ слѣдствіе своихъ проказъ,

Такъ лучше удались отъ пренкновенья:

Мнѣ дорогъ до того покой,

Что даже я забылъ бѣсовъ обыкновенья:

Тебя не искушаю, мой герой:

Напрощивъ предваряю пресшупленья.

(И ж о р с к і й поспѣшно уходитъ.)

Идешь, бѣжишь поспой!

Подѣйсшвало! — нужно жъ было,

Ихъ было разлучишь пора;

Она опасна намъ : ужъ началъ онъ уныло
Смотрѣшь , вздыхашь . — Нѣшь ! шупъ не вышло бы добра
И эти самыя , всегдашнія нападки
На человѣчество , на мѣръ и на нее . . .

Да ! подтверждаюшь мнѣніе мое ,
Что правила его ужъ очень спали шапки ,
Что голосъ сердца крикомъ заглушишь
Едва ужъ можешъ онъ пора его сгубишь !

Тебя я , безнадежношь , призываю ,

Опчаянье , тебя зову !

Тебѣ его , какъ жершву , посвящаю :

Созрѣлъ — и богоборную главу

Пусть сокрушишь въ несповснвѣ о камень !

Схвати безумца , смерть души ! схвати

Пресшунника желѣзными когшями

И сринь его въ неугасимый пламень !

(Уходитъ , солнце садится ; при послѣднихъ его лучахъ начинаешся пихая , поржешественная музыка : являешся Титанія и спановипся въ головахъ Лидіи.)

Т И Т А Н І Я .

Пронеслися испытанья ;

Спану и расширю дланья ,

И спрадалицу младую

Сномъ чудеснымъ , мирнымъ сномъ ,

Непробуднымъ очарую .

(Ведеть рукой.)

Розы , вспыхните кругомъ !

(Кусты розъ распускаются вокругъ Лидіи.)

Вы , древа , къ ея защишь

Вѣтви шемныя просприте !

(Дерева поднимаются изъ подъ земли и освѣяють Лидію.)

Ты запой въ ночи вѣшвей ,

Сладкогласный соловей !

(Слышно пѣнье соловья.)

Мимо прожурчи, ручей!

(Является ручей.)

Пусть швой тихій, тихій шопоть,

Заглушая ствнъ и ропошь

Унесешь съ собою въ даль

Двѣ слезы и печаль!

* * *

(Темнѣеть; музыка.)

Пиръ гоговъ благоуханій,

Звуковъ пиръ и пиръ мечпаній:

Да почишь, возлешая

Въ вѣщемъ снѣ въ жилища рай,

Да почишь здѣсь, доколь

Ангель не слепишь опшоль!

Ангель шопъ пушеводилель

Вознесешь ее въ обисель,

Гдѣ безъ примѣси блаженство,

Вѣчный свѣтъ и совершенство!

(Спало совсѣмъ шемно; Титанія пропадаешъ въ мракъ: музыка продол-
жаешъ все шине и шине; восходишь луна и озарешъ спящую
Лидію.)

Я В Л Е Н І Е 4.

(Взморіе, унесы; полночь. Бука на свиснувшей надъ водой скаль.)

Б у к а.

Расширь сопканнья изъ молній крила,

Одѣнь въ пожары шемную лазурь;

Дохни, задуй полночныя свѣшшла;

Взволнуй пучину неба, Демонъ бурь?

Демонъ воздуха (въ высокошь.)

Разыграюсь подъ шапромъ

Безпредѣльнаго ээира;

Вихремъ гряну, брошу громъ;
Вдрогнушь основанья міра.

(Начинается гроза и буря.)

Б у к а.

Ревн, реви, власшишель водъ шумящихъ,
Противъ швердыни черныхъ, дикихъ скаль
На приснупъ усремляй за валомъ валь!
Въ ушыломъ гуль гласовъ ихъ спенящихъ,
Пусть слышишея послѣдній, смершнй спонъ;
Пусть въ искрахъ моря взглядъ послѣдній блещешъ,
И пусть убійца узришь и вшрепещешъ
И съ ужаса пусть обезумишь онъ!

Д е м о н ъ м о р я (вздымаясь изъ волнъ).

На приснупъ, на приснупъ! бѣгнше, валы;
Главы воздымайше огромныя, бѣлыя:
Дружише, впередъ, мои рашники смѣлыя!
Подройше подножье кремнишой скалы.

(Начинается волненіе).

Б у к а.

О Царь подземной шьмы! и пы-внемли:
Схвати, подвишъ сполны безмолвной бездны;
Пусть съ прескомъ лопиешъ скорлупа земли,
Пусть въ мракъ могильный свѣшь проникнешъ звѣздный,
И пусть Суда проникнешъ грозный свѣшь,
Съ нимъ вмѣшъ въ мракъ дрожащаго злодѣя,
Пусть онъ воскликнешъ: «мнѣ спасенья нѣшь!»
И въ бездну прянешъ, цѣпенѣя.

Д е м о н ъ з е м л и (высовывая огромную голову изъ пропасни.)

Съ роковыхъ швоихъ словъ

Среди шьмы я проснулся;

И едва я коснулся

Адамантиныхъ сполповъ : — !
Весь мой домъ пошатнулся ;
И ногой едва топнулъ :
Рухлый хрящъ земли лопнулъ .
(Погружается ; земля прясется .)

Б у к а (смотришь въ даль .)

Онъ ! онъ идетъ , самъ собой гонимый
И черный ангелъ съ нимъ ; и въ чашу яды
Ужъ налилъ свой огонь неугасимый :
Его намъ предалъ рокъ неумолимый
Испьетъ преступникъ неспѣльный яды .
(Исчезаетъ Бука ; на противоположный утесъ выходитъ Ижорскій и Шимморъ .)

И ж о р с к і й .

Природа въ судорожномъ припадкѣ ?
По черной тверди мчится громъ ;
Кивнулъ съдой утесъ челою ;
Земля прясется въ лихорадкѣ .
Но жажду слышатъ прескъ и шумъ :
Пусшь шумъ и прескъ и завыванья
Поглопяшь чувствъ моихъ и думъ
Неукротимыя зыванья !
Нытъ ! не вопій ; Веснова кровь !
Нытъ ! не воздвигнешя мой волосъ ?
Напрасно къ небу вновь и вновь
Возносишь мспительный свой голосъ .
Меня ль лишишь ума и силъ ?
Тебя ль услышитъ Богъ - Каратель ?
Я — сердце черное пронзилъ ;
Да ! — мерзосный погибъ предастель .
Была ужасна жизнь моя :
Съ начала жертва , — путь губитель . . .

Но пусть! — Не содрогаюсь: я
Быль правой казни совершишь,
Так смолкни жъ, любая пска!
Молчи, зашихни, — заклинаю!
Или не слышишь, что вѣщаю?
Изъвѣнику моя рука,
Злодѣю должное воздала,
Врагу воздалъ я мздой кинжала!
Засни же, спиши! — но — увѣ!
Вы не умолкнете вовеки,
Вовеки не умрете вы,
Безумной совѣсти упреки!
Не я ль покинулъ и ее,
Въ бесплодной, горестной пустынь?
Бышь можешь, ужъ погибла ныне
Скончала въ мукахъ бышье;
И члѣпы сладостнаго шѣла —
Вошце щедропа неба ихъ
Въ красу роскошную одѣла —
Исплѣюшь средъ песковъ сухихъ;
Или же будетъ имъ гробница
Зовущая своихъ дѣшей
Голоднымъ воемъ изъ степей
На брашно спрашное волчица!
Прочь, прочь, призраки! прочь, позоръ,
Раздравшій сердце, шьямщій душу!
Прочь! — Суешные сы разрушу;
Ихъ свѣетъ мой отважный взоръ.
Ты свѣетъ зажги мнѣ въ шѣмъ сомнѣній,
Ты днесъ мнѣ испину скажи,
Ты, мрачный рабъ мой, Демонъ лжи,
Ты, древнѣй хульникъ, чернѣй геній!
Тебѣ я силою кольца

И властью, взятой надъ побою
И спрашнымъ именемъ Творца
Повелѣваю: предо мною
Мои всѣ тайны обнажи;
Мнѣ нынѣ истину скажи:
Я грозный ли, но правый мститель?
Или неистовый губитель?
Вѣдай, повѣдай, Демонъ лжи!

Ш и ш и м о р а .

Глаголомъ шой прубы спенящей,
Которая въ концѣ вѣковъ
Воздвигнешь прубы изъ гробовъ,
Глаголомъ казни вѣчно мстящей
Вѣщаешь себѣ подъемлюсь я:
Ничтожный смертный, шоржествую!
Такъ, молвлю правду роковую —
И въ мигъ умрешь душа швоя;
Заклятіемъ швоимъ плѣненный,
Я, благосни лютейшій врагъ,
Я молвлю: « онъ, шобой сраженный,
Онъ вѣренъ былъ, и числъ, и благъ!»
Кругомъ его души ходилъ я,
Высмапривалъ, какъ жадный звѣрь,
Но, — яроспи моей повѣрь, —
Не находилъ, за чшобы могъ
Схвашить его, потряснть и сдвинуть
И въ бездну за шобою сринуть.
Разрушилъ дивный шы чершогъ,
Ты храмъ сломилъ, злодѣй кровавый,
Гдѣ духъ жилъ созданный для славы,
Для ушѣшенія земли.
Терзайся, рвися и внемли:

Какъ некогда Алкидъ могущій,
Младенецъ, змѣя задушилъ,
Такъ почто онъ, Алкидъ грядущій,
Исполненъ благородныхъ силъ,
Свое же сердце побѣдилъ;
Души желанье, спрасиль живую,
Расцвѣпшихъ, первыхъ чувствъ воспоргъ
Онъ, раздирая грудь младую,
Для друга, для себя испоргъ;
Тебя слѣпецъ великодушный
Приносомъ счастья своего
Спасши хощьль; но ты, послушный
Элоръчью сердца своего,
Ты, алчный шигръ, пожралъ его.
Клянусь швоею слѣпошюю,
Клянусь бездонной, вѣчной шьмою,
Грядущимъ жребіемъ твоимъ,
Клянусь презрѣніемъ моимъ
И яростной къ тебѣ враждою
Клянусь, клянусь, клянуса *Или*,
Кого назвашь я не дерзаю,
Клянуса: испину вѣщаю.

* * *

Терзайся, рвися и внемли!
Людей безумны, слѣпы чувствва,
Смѣшны воспорги чадъ земли;
Но безъ пришворспва, безъ искусства,
Забывъ и мѣръ весь и себя,
Любила Лидія шебя.
А ты — свирѣпый огонь Эрева
Твоя буншующая кровь:
Нѣтъ! ты не вѣруешь въ любовь;
Ты сынъ проклятія и гнѣва:

Смрадъ изъ души своею возникъ ,
Изъ гроба чувствъ своихъ гнѣющихъ , —
И мглой зловоній, смерть несущихъ
Прекрасный осквернился ликъ
Ее, безжалостный и хладный,
Ты расперзалъ, какъ волкъ не гладный,
Но жаждущій убійствъ однихъ
И бросилъ средь сшепей глутихъ.
Клянусь своею слѣпопою ,
Клянусь бездонной, вѣчной шьюю ,
Грядущимъ жребіемъ своимъ ,
Клянусь презрѣніемъ моимъ
И яростной къ тебѣ враждою ,
Клянусь, клянусь, клянуса *Имъ*,
Кого назвашь я не державъ ,
Клянуса : истину вѣщаю !

* * *

Терзайся , рвися и внемли !
Ты призванъ былъ въ свѣшило міру ,
Былъ созданъ солю бышь земли :
Но самъ раздралъ свою порфиру ,
Съ главы вѣнецъ свой сорвалъ самъ ,
Державу сокрушилъ злашную ,
И бросилъ часъ свою свяшую
На оскверненіе , въ жерпву псамъ .
Ты волю буйнымъ далъ мечшамъ ,
Межу шы сдвигнулъ роковую
И шакъ въ спрощивомъ сердцѣ рекъ :
« Да будешь Богомъ человекъ ! »
Но человека человекомъ
Вездѣ , всегда шы обрѣшалъ ;
Тогда неисповымъ упрекомъ

*

На сына праха ты возсаль
И бѣсомъ смершнаго назваль.
Но я своєю слѣпошою,
Но я бездонной, вѣчной пьмою,
Грядущимъ жребіемъ своимъ,
Но я презрѣнемъ моимъ
И вѣчною къ тебѣ враждою
Клянусь, но я клянуса *Иль*,
Кого названь я не дерзаю,
Тебѣ клянуса и вѣщаю:
Не безпорочный сынъ небесъ
Могущій, чистый, совершенный,
Не сынъ же бездны — пѣшь! не бѣсъ
Земнаго міра госпъ мгновенный.
И се — неисцѣлимый ядъ
Въ твою раздавленную душу
Волью — и съ хохотомъ обрушу,
Безумецъ, на тебѣ весь гадь:
Ты червь презрѣнный, подлый адъ,
Своею дерзоспью надменной
Ты спаль въ посмѣшище бѣсовъ
И въ мерзоспъ обласни священной
Блаженныхъ, радоспныхъ духовъ!

(Послѣ преняго: «терзайся, реися и внемли,» Шинимора начинается превращансь въ огромное, ужасное чудовище; при послѣднемъ спихъ онъ возреть до того, что головой заслонилъ выглянувшую между пѣмъ изъ за шучъ лулу, а голосъ заглушилъ грома. Ижорскій безъ чувствъ падаеть подъ скалу; являюся Бука и Кикимора, шакже росту исполисакаго).

К И К И М О Р А (смотримъ внизъ).

Лежишь безъ жизни подъ скалою:
Онъ жизнь въ опчаяньи скончалъ;
Клевреть, смиряюсь предъ шобою,
Я предъ шобою слабъ и малъ.

Б у к л а.

Такъ, онъ безъ жизни подъ скалою:
Доволенъ, Демонъ, я шобою;
Ты, спуставъ съшю грѣха,
Сгубилъ безумца.

Ш и ш и м о р а.

Ха! ха! ха!

(Гуль повпоряешъ хохонъ бѣсовъ: громы гремятъ: вдругъ необычайный блескъ, перунъ падаешъ передъ бѣсами и имъ предшюишь Добрый Духъ.)

Д о б р ы й Д у х ъ.

Ты шоржешшувешъ, племя ада;
Но Богъ преложилъ смѣхъ швой въ спонъ:
Не любишь шакъ родителъ чада,
Какъ человека любишь Онъ.
Свяшой руки Своей созданье
Вамъ дашъ ли Онъ на поруганье?
Онъ? Онъ и червя слышишь гласъ,
Судьбину и былинки мѣришь;
Кшо жъ смѣешъ молвишь, кшо жъ повѣришь,
Чшобъ сошворилъ Благій для васъ
Того, кому моря и сушу,
Огонь и воздухъ покорилъ,
Того, въ кого живую душу
Свое подобие вложилъ?

К и к и м о р а.

Не вѣришь? пущь! нужды намъ мало;
Да лишь бы дѣло было шакъ.
Взгляни: дыханья въ немъ не шало:
Его сковаль могильный шракъ.
Онъ былъ при жизни нашей жершвой:
У насъ опшинешъ ли мершвой?

Добрый Духъ.

Да будешь же, безумцы, вамъ
Предъ небомъ и предъ бездною срамъ!
Спрадалецъ, вами возведенный
На шею дерзновенныхъ скалъ,
Всѣхъ чувствъ оупъ ужаса лишенный
Не самъ съ нихъ бросился, а палъ;
И носему вамъ возвѣщаю:
Онъ сокрушенъ, но зрише, живъ,
Раскаянъ не пупъ ли къ раю?
Господь и свящъ и справедливъ.

Б у к а.

Раскаянъ? Оно ли въ силахъ,
Судьбой разорванную нить
Связать и спящю въ могилахъ
Погибшихъ струны воскресить?

Добрый Духъ.

Блаженъ невинно убиенный:
Земли онъ не желаетъ вновь;
Онъ тамъ, гдѣ свѣтъ неизрѣченный,
Гдѣ неисчерпная любовь.
За душу жъ скорбнаго убійцы,
Дрожащаго полночной тьмы,
Бѣгущаго лучей денницы
Господню благоспъ молимъ мы,
И се Господь ему спрданья
И долгій посылаешъ вѣкъ
И се въ горниль испытанья
Спасешся грѣшный человекъ.

Ш и ш и м о р а.

Нѣтъ! Нѣтъ! я своего спяжанья,
Цовѣрь, не выпущу изъ рукъ:

Ударю, плоть его разрушу
И съ смѣхомъ спонущую душу
Въ адъ увлеку, въ жилище мукъ.

(Хочешь бросишься на Ижорскаго).

Д О Б Р Ы Й Д У Х Ъ .

Спой, врагъ! во имя Пресвятаго
Тебѣ повелѣваю: спой!

Опныиъ средь песка морскаго
Вздымайся черною скалой!

(Шинимора превращается въ утѣсь).

Вы, зришель, вы, его клеветы,

Что ваша буйная борьба,

Что ваши гордые навѣшны?

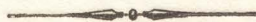
Васъ да спрашивиъ его судьба!

(Бука и Кикимора обращающаиъ въ бѣгство).

Бѣжите, полные боязни:

Но васъ достигнуиъ громы казни.

(Между тѣмъ буря прошла; солнце восходииъ. Добрый Духъ исче-
заетъ, сливаясь съ его лучами. Занавѣсъ опускается).

О П Е Ч А Т К И.

Стран. Строка.	<i>напечатано</i>	<i>читай.</i>
15 — 13	Ихъ	Иль
20 — 10	влюблены	не влюблены
33 — 10	Вы Саламандры	Вы, Саламандры —
37 — 20	Ижорский.	Кикимора.
	21 Такъ я.	Такъ, я.
39 — 29	Не быть	Но быть
42 — 11	Но	Не
48 — 13	Кикимора.	Хоръ Русалокъ.
53 — 8	натолку;	натолкну;
65 — 29	два	двѣ
76 — 3	глушающій	глушащій
79 — 27	сожалю	жалю
94 — 26	со всюду	отъ всюду
107 — 19	сколь	сколько

ИЗДАТЕЛИ

Издатели просят исправить в книге следующие опечатки, ибо некоторы из них довольно важны и затемняют смысл.

Страница	Исправить	На
10	10	10
11	11	11
12	12	12
13	13	13
14	14	14
15	15	15
16	16	16
17	17	17
18	18	18
19	19	19
20	20	20
21	21	21
22	22	22
23	23	23
24	24	24
25	25	25

XIV

1930:

6247

Продается въ Санктпетербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

Цѣна 5 рублей;
съ пересылкою 6 рублей.